

Елена Булганова

ВЕЧНЫЙ ЖЕМЧУГ

КНИГА
ВОДЫ

Вечники

Елена Булганова

Книга воды

«Росмэн»

2017

Булганова Е.

Книга воды / Е. Булганова — «Росмэн», 2017 — (Вечники)

ISBN 978-5-353-08393-1

Первая книга фэнтези-серии, вошедшая в шорт-лист VII сезона литературного конкурса "Новая детская книга". Когда-то давно Лида Весна уцелела в страшной катастрофе и с тех пор жила самой обычной жизнью. Но, приехав в маленький городок под Санкт-Петербургом, девушка знакомится с теми, кто обладает то ли потрясающим даром, то ли чудовищным проклятием... а кроме того, узнает, что тоже владеет сверхспособностями. Теперь Лиде нужно понять главное – кому можно довериться, а от кого следует бежать сломя голову, если ей дорога ставшая такой необычной жизнь.

ISBN 978-5-353-08393-1

© Булганова Е., 2017

© Росмэн, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Изгой	8
Глава 2. Роковая прогулка	11
Глава 3. Первая подруга	18
Глава 4. Опасная компания	25
Глава 5. Защитник	35
Глава 6. Как ты относишься к вечной жизни?	43
Глава 7. Безумец	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Елена Булганова

Книга воды

© Елена Булганова, 2017
© ООО «РОСМЭН», 2017

Пролог

Тихая южная ночь взорвалась внезапно. Только что мирно стучали по шпалам колеса, устало поскрипывали вагоны и свет миллиардов звезд не мог рассеять предрассветную бархатную мглу.

А потом небо стало зеркалом, и в нем заплясал огонь. Поблекли созвездия, и только луна, неестественно раздутая, мертвенно-сизая, стояла в высоте с упорством последнего выжившего солдата. Бесстрастно взирала она, как уцелевшие в катастрофе борются за жизни, свои и чужие. Эти люди мечтали на рассвете увидеть море. Теперь они жаждали лишь одного: выбраться из пылающих вагонов.

Израженная женщина бежала по насыпи, крепко прижимая к себе липкое от крови тельце ребенка. Взгляд ее был прикован к скудной россыпи огоньков в низине. Там были люди, была жизнь. Сельчане уже проснулись от грохота, все больше окошек загоралось в домах, все громче лаяли взбудораженные псы. Там конечно же найдутся врачи, больница, помощь.

Выбравшись на дорогу, женщина вскинула голову на глаз измеряя расстояние до цели. Теперь село казалось дальше, а сил оставалось все меньше. Женщина позволила себе на миг остановиться и заботливо поправить обмякшее тело дочки с болтающимися, словно у тряпичной куклы, ногами и руками. Все еще можно поправить, если добраться поскорей.

Сухопарая фигура вынырнула из тьмы и деловито зашагала в сторону женщины. Сердце матери забило в надежде – она так уверовала в чудесную помощь, что готова была ждать ее от любого случайного прохожего. Ее лишь немного смущала мысль о том, что фигура движется неестественно быстро. Пара мгновений – и вот она уже рядом.

Это была пожилая сельчанка с блеклым лицом и неприбранными со сна седыми лохмами. Глаза ее мерцали во тьме, как гибнущие звезды, и в них отражался ночной пожар. Постановляли болотные сапоги до колен, развевался от быстрой ходьбы пропахший костром и потом дождевик. Под ним для тепла были поддеты куртка-косуха и плотные рейтузы. Шарф в крупную клетку плотно укутывал тощую шею.

Было что-то пугающее в этой ночной страннице, и в другой ситуации мать первым делом укрыла бы от нее свое сокровище, дочь. Но сейчас любая странность дарила надежду на чудо. Женщина бросилась старухе наперерез.

Та глянула мельком на несчастную мать, ничего не спросила и лишь ступила в сторону, пытаясь ее обойти. Но женщина не собиралась так просто сдаваться.

– Бога ради, помогите мне! – взмолилась эта обычно насмешливая атеистка.

– Прости, милая, сейчас я слишком спешу, – откликнулась старуха хриплым и неловким голосом, как будто до этого момента ей годами приходилось молчать. – Иди в село, отыщи там помощь.

– Я не дойду! – в отчаянии крикнула мать. – А моя дочь умирает!

Словно в подтверждение этих слов она медленно осела на землю, и старухе с явной неохотой пришлось подхватить ребенка. Отведя пальцем слипшиеся кудри, она заглянула в застывшее лицо малышки и покачала головой.

– Помогите ей, – прошептала женщина, обнимая тощие ноги старухи. – Я знаю, вы можете. Просто сделайте это!

– Зачем ты просишь об этом, глупая? Твоя дочь юна и невинна, она войдет в новый мир легче, чем раскаленный нож входит в холодное желтое масло. Позаботься лучше о себе. У тебя еще могут быть дети. Если хорошенько подлечиться, конечно.

– Нет! – крикнула мать. – Мне не нужны другие дети!

– Подумай-ка получше, дорогая. Не обрекай ее на судьбу, может, тысячекратно более горькую, чем ранняя смерть. У всего в мире есть цена...

Но женщина не желала ее слушать. Она понимала лишь одно – старуха почти согласна ей помочь, и жарко целовала ее сапоги.

– Что ж, воля твоя, – вздохнула та. – Крещена ли малышка?

– Нет!

– В крайней ситуации крестить ребенка может и тот, кто не имеет священного сана. Здесь есть мать, умирающее дитя и я – его крестная. И вот я крещу тебя, дитя, во имя...

Дальнейшего женщина уже не услышала. Вкус железа во рту стал невыносим, звезды погасли, темнота погребла ее под своей свинцовой тяжестью.

Она очнулась на скрипучей кровати в палате с деревянными стенами и низким желтым потолком. В распахнутые окна вливался запах созревших на солнцепеке трав. Смуглая темноглазая медсестра улыбнулась ей и проворковала ласково:

– Ну, вот мы и открыли глазки. Значит, скоро встанем на ножки.

– Где мой ребенок?! – в ужасе оглядываясь, выдохнула женщина.

– Ой, да шо ж вы так волнуетесь? На всю больницу прям караул кричите. Сейчас выгляну в коридор да покличу.

Она ненадолго скрылась за дверью и вновь появилась, ведя за руку малышку с пылающими от беготни и смеха щеками. Мать разглядывала ее так, словно не доверяла собственным глазам. Платье, сандалии и даже бант в волосах были чужие, но это была ее дочь. Девочка радостно бросилась к матери.

– А почему она не в кровати?

– Тю, с какой стати? – удивилась медсестра. – На тихий час мы ее в сестринской укладывали, а сейчас-то ужинать пора.

– Разве она не ранена? Не нуждается в лечении?

– Да не царапинки нема! – заверила девушка. – У ней вся одежка была в крови, вот вы и спужались. И хорошо, что прибежали сюда, прямо к доктору на операционный стол. А то осталась бы ваша доча... ой, да вы отдохайте, а то мне от врача нагорит, – спохватилась она. – А мы в столовку побежим, пока всё без нас не съели, ага, Лидуня-красуня?

– Да, – чуточку снисходительно отвечала ей девочка.

Глава 1. Изгой

Лида Весна ощутила себя изгоем раньше, чем пошла в первый класс. Все началось в тот несчастный год, который сначала забрал у них бабушку, а потом при крушении поезда серьезно пострадала мать. Когда они уже поздней осенью вернулись в Питер, стылая погода и затяжные дожди разбудили едва зажившие раны. И не было больше рядом улыбчивых докторов и красивых ласковых медсестричек, твердивших, что все обязательно будет хорошо. А те врачи, к которым теперь обращалась мать, хмурились и намекали, что очень скоро ее ждет инвалидное кресло. Чтобы освободить время для лечебных процедур, Вере пришлось устроить дочку в садик.

Поначалу все складывалось просто отлично. Воспитательницы были добры и откровенно любовались хорошенькой складной девочкой. Дети охотно звали новенькую в свои игры. Все изменилось, когда Вера впервые оставила дочку на полный день. После обеда послушная Лида скинула платье и нырнула под одеяло. Она не спала, но тихо лежала с закрытыми глазами, привыкая к новой обстановке. И вдруг из разных концов спальной комнаты с двух кроватей донесся громкий рев.

Прибежала воспитательница, и красные от рыданий мальчик и девочка, тыча пальчиками в сторону новенькой, заявили, что она пугает их и не дает уснуть. Воспитательница, оторванная от долгожданного обеда, раздраженно нависла над Лидой:

– Что ты тут учудила? Корчила рожи? Страшилки рассказывала?

Лида отчаянно затрясла головой: нет, ничего подобного она не делала. На следующий день рев повторился, и воспитательницы стали на время сна выносить кроватку Лиды в игровую комнату. Для других детей она немедленно превратилась в персону загадочную и подозрительную, играть ее больше не звали.

На прогулках одинокая девочка держалась поближе к воспитателям. Пристраивалась рядом с беседкой и ковырялась в песке. Как все отверженные дети, во время игры она втягивала голову в плечи и низко наклонялась к земле. И однажды услышала разговор воспитательницы и няни прямо над головой. Те, вероятно, сочли, что если у ребенка заняты руки, то отключается и слух, или попросту не заметили ее, так что говорили в полный голос.

– Не могу объяснить, – жаловалась воспитательница, – но меня до жути пугает эта Весна. Вот так посмотришь – славная, послушная малышка, а коснусь ее – и аж в жар кидает. Ладно я, но ведь и дети ее боятся.

– Должно быть, карма отвратительная, – со знанием дела поддержала беседу няня. – Родовое проклятие. Вон мать совсем молодая, а еле ноги таскает, отца и в помине нет.

– Ох, перейти бы мне с этой группы на младшую, пока нервы целы, от греха подальше, – громко вздохнула в ответ воспитательница.

Подобное раз за разом повторялось во дворе, в бассейне, в кружке лепки и рисования. Всегда находились дети, которые, едва познакомившись с Лидой, вдруг начинали от нее шарахаться.

Бывало и иначе. Некоторые ребята охотно играли с новой подругой, но их очень скоро утаскивали прочь встревоженные родители. А уже на следующий день дети обходили Лиду стороной, бормоча себе под нос одно и то же:

– Мне мама не разрешает с тобой водиться.

И всего через год из веселой и открытой девочки Лидочка Весна превратилась в мрачное и нелюдимое существо. На прогулке она всегда искала уголок подальше от людей, мать не раз вытаскивала ее из колючих кустов или глубоких оврагов. Если кто-то из детей подходил к ней и звал играть, Лида косилась на него из-под пушистой челки и сердито бурчала:

– Не хочу я с тобой играть. Уходи.

Еще через год Вера провожала дочь в первый класс. С немислимым мужеством она постаралась в этот день обойтись без костылей, отлично понимая, какое неизгладимое впечатление произведут эти жутковатые приспособления на будущих одноклассников дочери. Путь до школы занял почти час. Лида молча шагала рядом, подстраивалась под натужный, с частыми остановками ход матери, и нещадно терзала пальцами головки багровых астр. От школы она не ждала ничего хорошего.

В школьном дворе Вера приклеилась спиной к железной ограде и велела себе улыбаться. Она смотрела на трогательных девочек с огромными букетами, на взволнованных, но отважных мальчиков и всей душой желала, чтобы они стали для дочери хорошими друзьями. Ну разве ее Лида этого не заслуживает? Потом перевела отяжелевший от боли взгляд на учительницу и подумала:

«Слишком стара. Уследит ли за всеми? Но конечно, и опыт колоссальный».

Дети, словно кидаясь с головой в воду, спешили познакомиться и подружиться. Но только не Лида, которая к своим семи четко усвоила, что любое знакомство всегда заканчивается плохо. Она изображала слепоглухонемую до того момента, пока учительница Надежда Юрьевна не возглавила их робкую колонну на пути в класс.

Первая же девочка, которой было предложено сесть за одну парту с Лидой, немедленно заныла, размазывая слезы по пухлым щекам:

– Не хочу с ней сидеть, она даже не разговаривает! Она страшная!

Лида вскинула голову и в упор посмотрела на учительницу, словно говоря: «Да, вот такая я ужасная. И что вы со мной будете делать?»

За сорок лет в школе Надежда Юрьевна повидала сотни детских трагедий и всегда немедленно вступала в незримый бой на стороне изгоя. Но сейчас она мучительно не могла сообразить, чем может отталкивать детей эта девочка, такая милая и грустная. Она пробежала взглядом по лицам ребят и выловила-таки восхищенные мальчишеские глаза.

– Что ж, Света, ты, возможно, потеряла шанс приобрести замечательную подругу на всю жизнь, – сказала учительница. – А с Лидой сядет Алеша Санин.

Самый маленький в классе мальчик распахнул рот от изумления, подергал себя за уши, словно сомневаясь, что они все услышали верно, а потом, забыв на полу ранец, бросился штурмовать стул рядом с Лидой.

В целом первые месяцы в школе не принесли девочке ни потрясений, ни особой радости. Она жила, отгородившись от всех невидимой, но крепкой завесой, раз и навсегда решив, что ее жизнь – это когда дома, с мамой, а остальное нужно лишь перетерпеть. Правда, и дома бывало несладко. Все чаще, возвращаясь из школы, Лида находила маму на диване стонущей от боли.

– Нужно сдаваться, – сквозь зубы приговаривала Вера. – Ложиться в больницу, чтоб меня малость подлатали. А то что я за мать такая: снова обед не приготовила. Сегодня же позвоню сестре – пусть приедет, поживет с тобой, пока меня ставят на ноги.

Но звонок сестре по неведомым причинам каждый раз откладывался. Понемногу Лида сама научилась и обед варить, и прибираться, и ходить по магазинам не просто с бумажкой в руках, а с четким планом в голове, что и из чего она собирается готовить.

– Сегодня у нас – проверка прописей, – объявила Надежда Юрьевна в начале второго урока. – На отметку.

Класс взволнованно загалдел – в первом полугодии им оценок еще не ставили. Лиду бросило в жар: она вспомнила, что к прописям вчера даже не прикасалась. А когда ей было выписывать строчки, если маме стало так плохо, что пришлось вызывать «скорую»? И врачи

хотели забрать ее в больницу, но Вера категорически заявила, что ей не с кем оставить дочку. А вечером, собравшись с духом, все же позвонила сестре...

Лида испытала настоящее отчаяние. Она всей душой привязалась к своей первой учительнице и очень боялась ее разочаровать. Вдруг та, как воспитательницы в детском саду, возненавидит ее? Она была готова украдкой сунуть тетрадку под парту и соврать, что забыла дома – все лучше, чем сдавать без домашки. Но опоздала: учительница уже стояла рядом с ее партой и заглядывала в тетрадь.

– Хорошо, Лидочка, молодец, – как гром с неба, прозвучал ее добрый ровный голос. Надежда Юрьевна никогда не упускала случая похвалить нелюдимую девочку. – Вижу, постаралась – написано очень аккуратно. Твердая пятерка.

И ушла смотреть другие тетради. А Лида осталась недоумевать по поводу случившегося. Что это было? Издевка? Или она вчера сделала задание, а потом об этом забыла? Или произошло какое-то волшебство? Ведь почерк в прописях совсем не похож на ее обычные скачущие каракули. Случайно взгляд Лиды упал на неприметного соседа по парте – тот, как обычно, завесился русой челкой и почти уткнулся носом в парту. Его левая щека цветом напоминала свеклу в разрезе.

«Что это с ним?» – мимоходом удивилась Лида.

В следующем году ее сосед больше не появился. И все оставшиеся три года начальной школы Лида по большей части присидела за партой одна, чему была очень рада.

Глава 2. Роковая прогулка

Остались позади экзамены за девятый класс, и тем же вечером Вера объявила дочери, что собирается сказать ей нечто важное. К тому времени на смену костылям уже давно пришла инвалидная коляска, с которой Вера обращалась, как с домашним питомцем: то покрикивала, мол, занимает много места да еще смеет скрипеть, то грозилась вышвырнуть на помойку, едва в ней исчезнет необходимость. А то разговаривала вполне дружески, называла Любашей и протирала специальной тряпочкой.

Сейчас мать сидела на кровати, соорудив из подушек нечто вроде трона. Лида опустилась на краешек стула и приготовилась слушать.

– Дочь моя, – торжественно начала Вера, – нас ждут великие перемены. Мы с тобой должны за лето сплавить эту нашу квартирку в надежные руки и купить что-то очень хорошее и просторное в пригороде.

– Зачем? – поразилась Лида, дитя центра, считавшая жутковатой жизнь на окраинах города, а уж пригороды воспринимавшая и вовсе как заповедники доисторического быта. – Нам и тут места хватает.

– Тебе – да, а вот Любаша недовольна. – Вера дружески потрепала истертое колесо. – Она просится пожить на природе.

– Мам, ну хорошо прикалываться! Вечно ты со своими шуточками.

– А ты не критикуй мать. Моя северная сестрица выразила желание пожить с нами. И очень своевременно, потому что я сейчас немного сдала позиции. Временно, само собой.

– Что? – ахнула Лида. – Опять эта адская тетка из Мурманска? Да никогда!

Тетя Муза, старшая и сводная сестра матери, уже приезжала один раз, когда Лида училась в первом классе. Из того визита девочка хорошо запомнила, какие ужасные сны рождаются под воздействием чудовищного храпа с соседней кровати. А еще то, как тетка сказала ей на кухне, разливая по тарелкам густой багровый борщ: «Ты уже большая девочка, Лидия, и в состоянии понять, что болезни даются нам за грехи. Твоя мама стала калекой, потому что родила тебя, не будучи замужем».

Лида тогда метнула в нее чашку с горячим чаем, и через пару дней – мать едва успела вернуться из больницы – тетки простыл и след. Девочка очень рассчитывала, что навсегда.

– Она больше не станет расстраивать твой сон, – заверила мать, которой Лида изложила лишь часть претензий к родственнице. – В нашем новом доме у каждого будет своя комната. А без Музы нам не обойтись.

– Что ты, мам, обойдемся! Я сама могу ухаживать за тобой. А если ты меня стесняешься, то пойду работать и найму сиделку. Это ведь лучше, чем тетка!

– Так, яйцо, прекрати учить свою курицу, – нахмурилась Вера. – Если ты куда и пойдешь, то только в десятый класс тамошней школы. И будешь жить нормальной жизнью юного цветущего создания. А мы тут с сестрой по-родственному решим наши проблемы. Без всяких зловредных сиделок. Тетушка наша вовсе не плоха, просто заморозилась маленько на своем севере. И кстати, она прибудет с внуком семи годков от роду. Девушка в отчаянии закатила глаза. Значит, все уже решено. Без нее.

– В коем души не чаает и считает самым выдающимся ребенком тысячелетия. А по мне, так будет здорово снова услышать детский смех.

– Ха-ха, – выдавила Лида.

– И твой тоже. Прямо вижу в своем воображении, как вы станете играть и беситься и разносить в щепки наш уютный загородный домик... который нам еще предстоит найти.

То лето оказалось самым суматошным в жизни Лиды. Но все же через два месяца им удалось обменять квартиру на Петроградской стороне на небольшой, чуточку кособокий, потерявшийся среди одичалых яблонь дом в пригороде.

Понадобились героические усилия, чтобы перебраться туда со всеми вещами и растащить их по двум этажам новой обители. Ни с одной живой душой в Питере Лида не простилась, никому не пожаловалась на трудности переезда. Некому было жаловаться.

Первую ночь на новом месте она провела почти без сна, боязливо затаившись под одеялом и слушая скрипы и стоны дома-старичка. К этим надоедливым жалобам несмело присоединялось повизгивание мебели, втиснутой в непривычно узкое пространство, и заговорщический шепот деревьев за окном. Белые ночи уже миновали, а без рекламного зарева ночного города было жутковато, словно в склепе. Заснула Лида только под утро, почему-то успев подумать напоследок: «Не слететь бы завтра спросонок с лестницы».

Она проспала почти до полудня. Вскочила, сбежала заполошно вниз, мучаясь чувством вины, а там Вера, умытая и причесанная, готовила на кухне обед, почти лежа грудью на столе и подперев себя со всех сторон табуретками.

– Мама, зачем? – возмутилась Лида. – Я сейчас сама все приготовлю, а ты возвращайся в постель. Или в кресло.

– Ничего подобного, – отозвалась Вера, победно потрясая ножом. – До начала учебного года ты будешь только гулять, смотреть город и всячески развлекаться. А Любочка пусть пока остынет от моего тела.

– А что насчет тетки?

– Те-те-чки, ты собиралась сказать? Им со Славиком удалось достать билеты только на тридцатое августа. Пока насладимся жизнью вдвоем. Но я надеюсь поменьше видеть тебя до начала сентября, усекла?

Лида усекла и сразу после обеда отправилась на первую обзорную экскурсию. Город был ей интересен, поскольку врага стоит знать в лицо. Мир вокруг пока что казался опасным и чужим, словно другая планета. Но к школе она должна освоиться. Кажется, тут есть большой парк и заповедный лес. Когда от нее в очередной раз начнут шараться одноклассники, эти места могут стать надежным убежищем.

За пару часов прогулки Лида честно осмотрела и парк, и озёра, и центр города. А потом, утомившись от духоты – август выдался жарким, – достигла той границы, где лишь кованая ограда отделяла парк от леса-заповедника. Местные жители уже подсустились и проделали в ограде удобные проходы, одним из них девушка и воспользовалась. И побрела, куда глаза глядели, по утопанной каменистой тропинке.

Здесь было прохладнее, чем в парке. Тропинка, широкая вначале, скоро начала истончаться и делиться. Лес был исхожен вдоль и поперек, совсем ручной, ничуть не страшный. И Лида придумала от скуки себе задание – отыскать краткий путь до своего нового дома, чтобы не таскаться всякий раз в обход через железнодорожный переезд. Шум электричек стал для нее надежным ориентиром.

Земля под ногами все больше пружинила и сочилась влагой. Болото давно осушили, загнали под слой грунта, насадили деревья, но оно все еще здесь, мечтает вырваться наружу и снова собирать смертельный урожай. Чмокает под ногами, словно облизывается. Лида сама не заметила, в какой момент ощутила тревогу. Электрички больше не шумели: возможно, перерыв в расписании? Вряд ли она заблудилась, поскольку не сходила с тропы. И могла в любой момент вернуться по ней назад. Но отступать от цели девушке не хотелось, да и слишком далек был обратный путь. А силы – на исходе.

Справа в гуще деревьев то и дело раздавался странный звук, будто вдруг распахивалась огромная заржавевшая дверь. И всякий раз Лида останавливалась и всматривалась в лес, словно надеясь эту дверь увидеть.

Потом вдоль тропы, совсем узкой, потянулась стена сухой травы выше человеческого роста. И у Лиды вдруг появилось крайне неприятное ощущение: там, за гигантской травой, кто-то следовал крадучись ее курсом. Несколько раз хрустнула ветка, прошуршал выбитый из лунки камень, в просвете между травяными зарослями мелькнуло что-то темное, большое.

«Так, немедленно возвращаться».

Она с клацающими от испуга зубами выбралась из этой кошмарной травы. Немного постояла, стараясь взять себя в руки. И торопливо зашагала в обратном направлении.

На повороте Лида обнаружила молодого человека, сидящего на поваленном стволе метрах в трех от тропы. Он обеими руками растирал правую щиколотку. Его всклокоченные волосы закрывали покрасневшее от напряжения лицо, и Лида уже собиралась проскочить мимо, но хитрый темный глаз из-под челки глянул на нее в упор, а насмешливый голос произнес:

– Снова хотите не заметить попавшего в беду?

– А разве вы здесь уже сидели? – вежливо осведомилась девушка.

– Конечно. Но вы так целеустремленно шагали вперед...

– И что с вами случилось?

– Я подвернул ногу и теперь обречен на мучительную смерть в лесу – с готовностью сообщил парень. – До зимы сюда едва ли кто сунется – топкое место. Кроме кабанов, конечно. А зимой мой обглоданный скелет обнаружат лыжники.

– Зачем так мрачно? Забыли дома телефон?

– Никогда не брал его на пробежку. Ничто не должно отвлекать человека от его главного дела.

– Мне жаль, – вздохнула Лида. – Потому что я свой точно забыла. Но я могу при случае рассказать кому-нибудь о вашей участи. Может, вас еще успеют спасти.

– Это едва ли. Потому что вы тоже не дойдете. Эта тропа ведет не в сторону цивилизации.

– Как? – растерялась Лида. – Я же все время шла прямо. Специально, чтобы не заблудиться.

Парень вежливо хмыкнул:

– Вы, девушка, наверно, редко бывали в лесу. Он умеет дурачить новичков. Вот и вы попались. Если пойдете по тропе, то окажетесь у разрушенного моста. Перейти его все равно не сможете, придется или возвращаться обратно, или долго прыгать с кочки на кочку по полузатопленной местности.

– А куда идти-то? – совсем скисла девушка.

– Спасете обреченного? Поможете ему сделать первые шаги к жизни?

– Конечно, спасу, куда деваться, – вздохнула Лида и шагнула ближе.

– Хорошо. – Молодой человек, охнув, поднялся на ноги и оперся на плечо девушки.

Тяжело оперся, не понарошку.

Лида поморщилась, но стерпела. Она очень хотела домой, лес-обманщик сделался ей ненавистен. Парень, хромая, сразу повел ее на боковую тропу, потом еще несколько раз свернул, так что у девушки скоро голова пошла кругом. Теперь вся надежда оставалась на травмированного, но опытного попутчика.

– Туристка? – спросил парень. – Меня, кстати, Андреем зовут.

– Что? Я Лида. И нет, мы сюда переехали. Жить. У нас дом в поселке.

– Вот как? Надо было предупредить. Это немного в другой стороне, но не бойся – отведу тебя прямо туда.

– А твоя нога? – Лида сама удивилась, как легко перешла с незнакомцем на «ты». Учтивая, что ее опыт вольных бесед с парнями равнялся нулю с несколькими жалкими десятками после запятой.

– Она не посмеет спорить с хозяином, зная его свирепый нрав.

– Здорово. Но ты скажи, когда захочешь отдохнуть.

– Отдыхать, Лидочка, будем в травмпункте. Ты ведь меня не бросишь в этом лесу, где скоро останемся только мы с тобой?

– Почему это?

– Потому что надвигается большая гроза, и все в ужасе разбегаются по домам. А мы бежать не можем, верно?

– Ага. – Лида глянула вверх. Ох какая жуткая туча на половину неба! – Пойдем скорее! – взмолилась она. – Ты же знаешь, куда идти?

– Конечно. Слышишь крик электрички? Значит, там железная дорога, за которой ты живешь.

Лида прислушалась – нет, ни звука не слышать. Может, оттого, что кровь пульсирует в висках, тащить на себе парня нелегко. Зато далекий удар грома саданул прямо по нервам.

– А знаешь, мы, пожалуй, спрячемся с тобой от грозы, – сказал задумчиво Андрей. – Тут есть одно дерево с такой густой кроной, что на нас ни капли не упадет. Сядем на мох и станем болтать, пока гроза не кончится.

– Мама с ума сойдет, – пробормотала Лида.

– Смотри сама. Направление знаешь, ориентируешься по шуму железной дороги. А я хочу остаться сухим.

– Да я тоже. И электричек я не слышу, – досадливо вздохнула Лида. – Ладно, куда идти-то?

– Позволь поведу тебя. – Андрей уже практически не хромал, возможно, расхотелся. Его пальцы так впились в кисть Лиды, что в другой ситуации девушка возмутилась бы, но сейчас было не до того.

Дождь все не начинался, хотя разбухшая туча провисла брюхом почти до земли. Андрей и Лида брели через чащу, спотыкаясь о корни. Парень больше ничего не говорил, даже не отвечал на вопросы, словно забыв о той, чью руку сжимал.

«Наверно, волнуется, что промокну», – успокаивала себя Лида. Но предчувствие чего-то куда более ужасного, чем гроза, уже проникало понемногу в ее сознание.

Впереди показался просвет, вроде как просека среди леса. И здесь снова была та противная трава, выстроилась круговым дозором вокруг дряхлого дерева с безвольно поникшими ветками.

– Ага, вот и милый дом, – пробормотал Андрей, тяжело втягивая ноздрями воздух, точно принюхиваясь.

– Все, я хочу вернуться. – Лида уперлась ногами в землю. – Мне нужно... туда... в другую сторону.

– Нет других сторон, – ухмыльнулся он, сжал ей плечо второй рукой так, что затрещали кости, и потащил дальше.

– Пусти меня! – заорала девушка, пытаясь вырваться.

– С чего бы это?

– Просто пусти!

– А я не хочу, – широко улыбнулся Андрей.

Сдаваться так просто Лида не собиралась, но парень упорно тащил ее в заросли сухой травы. Она уцепилась рукой за какой-то тонкий ствол.

– Так, быстро отпустил меня, гад! Иначе будет хуже.

– Правда? – уточнил Андрей, перехватывая ее запястье.

Лида в панике отшатнулась.

И вдруг Андрей замер, будто прислушиваясь к чему-то. Девушка разом воспрянула духом, завертела головой – сюда идут? Но, кажется, этот тип слушал что-то внутри себя. Лицо его сделалось испуганным и чуточку обиженным, узкие губы посерели, словно их припорошило пеплом.

– Что за?.. – пробормотал он. – Нехорошо мне...

И рухнул навзничь, увлекая за собой Лиду. Она едва успела вырвать руку из холодеющих пальцев и шустро отпрыгнула в сторону, еще не веря до конца в чудесное спасение. Хотела бежать без оглядки, но страх, что это может оказаться притворством и ловушкой, пересилил панику.

Лида осторожно приблизилась к Андрею, крепко сжимая в кулаке массивный ключ от ворот нового дома. Боязливо пару раз ткнула ногой в кроссовок, уже четко понимая, что парень окончательно и бесповоротно мертв. И только потом, рыдая от ужаса и облегчения, бросилась прочь.

Лес на этот раз оказался добр к ней и позволил почти сразу выбраться на опушку. Какие-то люди вывели ее в город, другие подвезли к отделению полиции. И здесь все завершилось мгновенно. Первым делом пришлось возвращаться в лес, теперь уже на полицейском «уазике», и девушка была бесконечно удивлена, когда без особого труда отыскала то страшное место. Настолько удивлена, что бесстрашно опознала труп и по возвращении в отделение согласилась немедленно ответить на вопросы следователя. Хотя имела полное право уехать прочь вместе с опекавшей ее врачебной бригадой.

– Ты можешь четко сказать, отчего он умер? – допытывался налитый нездоровой желчью полицейский чин. – Ударила ты его чем-то? Удачно толкнула? Не бойся, дочка, никто тебя за это не осудит. Наоборот, я лично тебе благодарность объявлю...

– Не била и не толкала.

– Вот так прям сам и упал, да? Схватил тебя и упал? Ох, счастливица! И что тебя в лес понесло, не слышала, что ли, про маньяка? Городской канал не смотрела?

– Вообще никакой не смотрела, – угрюмо ответила девушка. – Мы только переехали, не до того было.

– Ох, и дурочка ты везучая... показал бы тебе фотографии других жертв для остратки, да спать перестанешь. Ладно, успокойся и звони родителям, пусть за тобой приедут.

– Что? – переполошилась Лида. – Нет, зачем это, никуда я звонить не буду! У меня только мама, и она инвалид, ее нельзя беспокоить!

– Если о матери печешься, то не шляйся по лесам, – поддел ее полицейский и тут же схватился за оживший телефон. – Сделали вскрытие? И чего там? Точно сердечный приступ? Ну, дочка, везучая ты, в самом деле, – это он снова к Лиде обернулся, глянул вроде как с уважением.

А ее в этот момент волновало только одно:

– Вы слышите, я не стану звонить, мама все равно не сможет сюда приехать! Вы что, в самом деле, добить ее хотите? И вообще я домашний номер еще не выучила!

Через десять минут препирательств следователь сдался, подобрел и сам на личной машине доставил Лиду домой. По пути было достигнуто хрупкое соглашение: без особой нужды мать в известность ставить не будут, а если поставят, то лишь в присутствии врача. Связываться в случае необходимости станут по Лидиному мобильному. А она обязана, как штык, являться по вызову в отделение.

– Счастливая ты, – снова повторил на прощание мужчина. В тусклом сумеречном свете он выглядел совсем больным. – Только не обольщайся. Любое везение однажды сходит на нет.

Лида про себя усмехнулось: заканчиваться нечему, в первый раз только и повезло. Правда, по-крупному. А потом долго стояла у калитки дома, рассматривала свое лицо в маленькое зеркальце и гадала, нормально ли она выглядит, чтобы явиться перед материнским взором без угрозы себя выдать.

– Мама, скажи, что со мной не так? – этот вопрос она задала поздним вечером, когда убедилась, что опасность миновала и Вера ничего не заподозрила.

– А что с тобой не так? Ну, кроме того, что мать у тебя хуже мачехи, висит ярмом на твоей юной шее...

– Мам, ну хватит уже! И отшучиваться тоже хватит. Я ведь понимаю, не маленькая...

– И что такого ты там понимаешь? – заерзала на диване Вера.

– Ну, я раньше считала себя уродиной. Думала, в моей внешности есть что-то гадкое и это всех отталкивает. Я даже в зеркало лишний раз боялась глянуть. Но вроде ничего такого. Почему же от меня все вечно шарахаются?

– Да кто от тебя шарахается, что ты?!

– Все. Ну, почти все. И не делай вид, что не понимаешь, ты вечно напрягаешься, когда я говорю об этом. Мам, скажи мне...

– Хорошо, – вдруг сдалась Вера. – Я скажу, только, чур, не отправляй свою единственную мать в дурку. И лучше присядь.

Лида, сама напуганная материнским энтузиазмом – ведь столько раз заводила с ней подобные разговоры, и ноль результатов, – поспешно опустила на край дивана.

– В общем, сама знаешь, когда тебе было пять лет, мы с тобой поехали на море, в Анапу, и по пути поезд сошел с рельсов. Ты что-нибудь помнишь об этом?

– Да не особо. Только больницу, и как медсестры со мной играли, а я все к тебе просилась. Я еще фильм в Интернете потом смотрела о той катастрофе. А что?

– Я говорила тебе, что ты совсем не пострадала, но это... не вполне правда. У тебя... в общем, много чего было сломано. – Тут Вера тяжело перевела дух, и Лида начала жалеть о заведенном разговоре. – Я не стала ждать, когда до нас доберется помощь, и побежала в ближайшее село. По пути встретила женщину, молила ее о помощи, а потом... отключилась, что ли. Очнулась уже в больнице на следующий день, и тебя привели ко мне целую и невредимую.

Лида вытаращилась на мать, пытаясь подловить ее на коварной улыбочке. Потом возмутилась:

– Ну, мам, опять твои шуточки! И что, после этого меня все стали бояться? Типа я в зомби превратилась?

– Ну, персонал больницы тебя просто обожал, – улыбнулась, вспоминая, Вера. – Я как-то тоже никаких страхов не ощущаю. По-моему, у кого-то просто слишком бурное воображение.

– И есть в кого, – пробормотала девушка. – Ну, а что хоть то была за женщина? Которую ты умоляла?

– Да, знаешь, такая обыкновенная старушенция, в резиновых сапогах и в куртке-косухе. Наверняка с внука сняла.

– Ой, да ну тебя, мама! – Лида рассерженно вскочила на ноги. – Никогда серьезного разговора от тебя не дождешься. Пойду лучше суп варить.

– Давай-давай, хлопотунья ты моя, – одобрила Вера. Она с самого начала рассчитывала на то, что дочка не поверит. Но все-таки пусть знает. На всякий непредвиденный случай.

Тетка объявилась на рассвете. Она за девять лет еще больше располнела и превратилась в шар на коротких ножках. Маленькая головка с прилизанными волосами тонула во

многоступенчатой, как ракета-носитель, шее. К тетке жался тощий мальчик с узким хмурым личиком и крепко стиснутыми губами.

– Не встретили на станции, так могли бы хоть с постелей подняться к нашему приезду, – попеняла тетка с порога. – Полчаса во двор ломались, пока сами засов не отыскали.

Старше Веры на десять лет, она по виду годилась ей, субтильной и моложавой, в матери. И шпынять младшую привыкла с юности.

– Ох, прости, Муза, полночи из-за грозы не спали, вот и сморило под утро, – сокрушалась с постели Вера.

– Здравсте, тетя Муза, – нейтральным тоном отметилась Лида, свешиваясь с площадки второго этажа. – А тебя Славик зовут, да?

Мальчишка только хмуро на нее зыркнул.

– Ну, показывай, племяшка, где мы в этих хоромах жить будем! – распорядилась тетка Муза.

Лида показала, и это вылилось в новую волну недовольства. Оказывается, тетка рассчитывала, что у внука будет отдельная комната.

– Откуда ж ей тут взяться, Муза, – снова оправдывалась Вера. – Я, правда, как царица, целый этаж заняла, но ведь наверх мне не забраться. Я и не видела его даже, этот верхний этаж. Лидуша в мансарде. А у тебя комната огромная, можно ширмами ее разделить, а со временем так и стенку поставить.

– Славуле в мансарде очень понравилось, – подметила как бы ненароком тетка. – Может, вы с Лидой внизу разместитесь, а мы, уж так и быть, зайдем второй этаж? Хотя я давно и не девочка по ступенькам бегать...

– Нет, – разволновалась и нахмурилась Вера. – У Лиды должна быть своя комната, она ведь учится.

– Странно как-то получается, – тетка Муза поджала единственное, что у нее было тонким, – губы. – Делаем вам одолжение, бросаем родное жилье, а нас загоняют в какой-то собачий угол даже без извинений.

– Извини, Муза, если тут все так плохо, то удерживать тебя силой мы не станем.

Тетка сразу притихла, наверно, ее пока не тянуло обратно на север.

Глава 3. Первая подруга

Последний вечер перед началом учебного года прошел для Лиды печально. Тетка без передышки высказывала матери претензии, на улице серо и сыро, все к школе заранее приготовлено, заняться нечем. Ближе к полуночи она задремала, но почти сразу проснулась от непривычных звуков за стеной. Там кто-то громко всхлипывал и икал. Сквозь створки окна тянуло сигаретным дымком.

Лида выглянула в окошко: внизу среди голых яблонь прохаживалась тетка с сигаретой в зубах. Наверно, накрутила себя и теперь не могла заснуть. Девушка окликать ее не стала, закуталась в халат и пошла проведать племянника.

Мальчик обнаружился на диване, в скрюченном состоянии и с подушкой на голове. Одеяло съехало на пол, посиневшие от холода ноги ребенка нервно скребли по простыне. Он без устали издавал жалобные звуки.

– Эй, ты чего? – окликнула его Лида. – Слав? Болит у тебя что-то? Тетку... бабушку позвать?

– Уходи, – неразборчиво прохныкал мальчик сквозь подушку и поджал ноги.

– Ничего себе, раскомандовался! Давай-ка повежливей: я тут живу и я старше. Намек ясен?

Всхлип.

– Боишься идти завтра в школу что ли? – постаралась угадать Лида. Вот она точно боялась. – Брось, первый класс – это здорово. Тебе понравится. Никаких обязательств и полно новых друзей. – «Ну не семейное же на нас проклятие, в самом деле». – А первая учительница всегда самая лучшая.

Она подняла с пола одеяло и попыталась извлечь мальчишку из-под подушки. Это оказалось ошибкой – он бешено заверещал на весь дом. Влетевшая в дверь тетка застала Лиду оцепеневшей с одеялом в руках: она понятия не имела, что дети способны так вопить.

– Что ты с ним делаешь?! – тетка все равно орала громче. – Славульчик, она что, ударила тебя? Сказала плохие слова?

«О нет, у меня дежавю!»

Мальчик скинул подушку и, рыдая, ткнул пальцем в сторону Лиды:

– Пусть она уйдет! Пусть уйдет!

– Да что она тебе сделала, роднуля моя?

– Она страшная! Я боюсь, боюсь, боюсь!

Под ногами затрясся пол, и Лида догадалась, что это мама, проснувшись, стучит костылем в потолок, не понимая, что творится наверху. И ринулась вниз.

– Что случилось? Пожар? – Это был главный страх матери в их новом деревянном доме.

– Нет, мам, успокойся. Славик остался в комнате один и чего-то испугался. Я пыталась успокоить, а он как заорет!

– Вера, да что же это?! – Гигантским колобком скатилась с лестницы разъяренная тетка. – На какую погибель вы нас сюда зазвали?

– Какую еще погибель, Муза, успокойся!

– Я думала, твоя-то переросла, повзрослела. Ан нет: только я за порог, пошла и давай запугивать бедного малыша. Славульчик даже посинел весь, едва судороги не начались. Ну скажи ты ей: меня на дух не выносит, пусть хоть ребенка не трогает!

– Да кто трогает твоего внука? – перебила ее Вера. – Лида просто хотела его успокоить, пока ты воздухом дышала! А он, наверно, не привык еще к новому месту, вот и разревелся.

– Говорю тебе, она запугала малыша! Небось из-за комнаты! Поперек горла мы ей пришлось! – тетка орала в голос и тыкала в Лиду жирным пальцем.

Мать вся подобралась на кровати, сильно побледнела и заговорила тем спокойно-ледяным голосом, который всегда был для Лиды самым страшным наказанием:

– Муза, вспомни, ты говоришь о моей дочери. Кажется, я начинаю жалеть, что затеяла все это... может, нам с тобой и впрямь лучше жить в разных городах, как прежде.

– Да, я тоже считаю, что нам с внуком стоит подумать о возвращении домой, – с пафосом изрекла тетка. – Я была морально готова к роли сиделки, но не к ненависти и травле.

Вера, подавив тяжкий вздох, подняла взгляд на застывшую в углу Лиду и проговорила тихо, явно пытаясь подать пример крикливой сестрице:

– Дочь, иди в постель, завтра первый школьный день. А мы тут сами пошепчемся о наших делах.

– Нет уж, я тоже пойду, – прорычала тетка. – Чтоб она там на малыше зло сорвала, что ли? Не допущу! Завтра все обсудим, Вера.

Уснуть Лиде удалось нескоро.

Но наступило утро, яркое и теплое, подарок для тех, кто мечтал о первом школьном дне. Лида порадовалась уже тому, что не придется надевать на линейку старый плащ, переживший последнюю стирку с большими потерями. И с удовольствием натянула новый джемпер и темно-синюю юбку в крупную складку.

За стеной тетка шумно возилась с внуком, готовила его к началу школьной жизни. И даже приволокла наверх завтрак, заодно подчеркивая свое незавидное положение в доме. Но Лиде было этому только рада: можно нормально перекусить в материнской компании. Еду она собрала на поднос и под села к Вере на диван. Мать улыбалась и отказывалась в такое чудесное утро говорить о плохом.

– Почему нельзя отослать ее обратно на север? – не удержалась Лиде. – Вместе с психованным внуком? Ну какая нам от них польза, кроме нервотрепки?

– Лиде, ша! – прикрикнула на дочь Вера. – Этой проблемы для нас сегодня не существует. Сейчас я желаю дождаться твоего возвращения домой и услышать, какая у тебя отличная новая школа, душевные учителя и что все поголовно хотят с тобой дружить.

– Вот это вряд ли, мама!

– А я могу поспорить, что будет именно так! Этот городок кажется мне чуточку волшебным. В нем наверняка с людьми случается то, что они меньше всего в жизни ждали!

– Мамуля, какая ты мечтательница! – вздохнула Лиде.

Да уж, меньше всего она ожидала нападения маньяка в первый же день после переезда. И того, что ее будут бояться до истерик теперь и в собственном доме. Наверняка школа превзойдет все ожидания. Но это лишь ее проблемы. И сегодня за обедом мать услышит самую фантастическую и прекрасную версию событий. Что бы там ни произошло на самом деле.

Школьный двор был обнесен высоким забором, нежно-салатовым и трогательно обвешанным всевозможных размеров и конструкций кормушками для птиц. Лиде пришла сюда заранее, чтобы поменьше мельтешить на людях. Отыскала укромное местечко за пожарной лестницей, прислонилась спиной к нагретым солнцем кирпичам и замерла в тревожном ожидании.

Понемногу двор заполнялся, оживал, расцветал всеми видами осенних жертвенных букетов. Лиде ловила обрывки разговоров, сполохи взглядов, взрывы смеха. И не спешила покидать свое убежище.

Но ее все-таки обнаружили. Девочка почти на голову ниже ее ростом, с тонкими прядками волос шафранового цвета, выпавшими на высокий лоб из-под массивной роговой заколки, приблизилась несмело, а спросила и вовсе шепотом:

– Ты ведь в десятом «А» будешь учиться?

– Откуда знаешь? – удивилась Лида.

– Классная велела тебя привести. Мы уже строимся на линейку. Не бойся, у нас новеньких не обижают.

– Да не боюсь я!

Знала бы эта пигалица, что разговаривает с губительницей местного маньяка!

– А моя подруга в другую школу перешла, – спешила раскрыть карты блондиночка. – Ты можешь в классе сесть со мной, ну, если хочешь, конечно.

– Хочу, – вздохнула Лида, прикидывая, через сколько дней эта девчушка сбежит от нее с воплями под любым предлогом и даже без такового.

– Меня Мила зовут, – несмело произнесла та.

– Я – Лида. А полное имя – Людмила, да?

– Нет, Мелания. Папина придумка.

– Отличное имя...

– Пойдем к нашим? – спросила девочка.

– Давай.

«Может, ее придется защищать», – подумала Лида на ходу, косясь покровительственно сверху вниз на светлую макушку одноклассницы. Она никогда не смела признаться себе, как сильно нуждается в дружбе.

Десятый класс «А» обосновался под большим дубом в центре двора. Стояли монолитно, плечо к плечу, спинами ко всему прочему школьному миру.

– Алеша пришел, – робко удивилась Мила, привставая на ходу на цыпочки. – Наверно, с Маратом за компанию.

Лида на рост не жаловалась и сразу разглядела: центром притяжения ребят являлся очень высокий, анорексичного вида парень, подпирающий спиной ствол дуба. Его зачесанные назад блестящие волосы были настолько черны, что лицо в их обрамлении выглядело пугающе бледным. Тонкий нос, скулы и выпяченный подбородок казались настолько острыми, что Лида даже поморщилась: от одного взгляда будто невидимым лезвием полоснуло. В темных глазах за густыми ресницами плескалось холодное высокомерие. Зауженный палево-серый пиджак поверх черной рубашки мало походил на школьную форму.

«Мажор местного разлива, – скривилась Лида, с некоторым усилием отклеивая от парня взгляд. – Ишь, выделяется! Школы покруче для него не нашлось?»

Второй, стоящий рядом, был, судя по всему, того же поля ягода, но вел себя иначе. Одетый с небрежным лоском в фирменный джинсовый костюм, загорелый до черноты, он улыбался непрерывно и всем сразу, охотно отзывался на каждое обращение, одаривал собеседника сияющим взглядом синих веселых глаз.

«Два мажора, а один еще и позер в придачу», – подвела печальный итог Лида. Симпатичный позер, надо признать.

– Ну, и кто из них кто?

– Который черный – Марат, – шепотом отозвалась Мила. – Но у нас его все Вороном зовут.

– В точку, – одобрила Лида. Она старалась не таращиться на парней, рассеянно оглядывая шумный двор.

– А второй – Алексей. Они дружат. Но Алеша у нас не учится больше.

– Выгнали после девятого?

– Нет, что ты! Он всегда был отличником. Но девятый заканчивал экстерном.

– Почему это? – Лида спросила, а сама задумалась: хорошая ведь идея. Если не сложится с новой школой, можно будет уйти в экстернат. И за мамой ухаживать легче. Главное – вытурить тетку поскорее.

Мила чуть помедлила с ответом, словно сомневалась в его достоверности. Похоже, эта девушка привыкла отвечать за каждое свое слово.

– Ну, он спортом всерьез занимается, его вроде в юношескую сборную по плаванию приглашали. А в прошлом году он с семьей за границей жил и тренировался.

Лида подавила тяжкий вздох: она надеялась, что в этом городишке одноклассники окажутся малость попроще.

Потом ее саму вдруг обнаружили, втянули в круг, закидали вопросами. Но странное дело: отвечать, когда рядом стоит Мила и чуть касается ее худеньким плечом, оказалось совсем не страшно.

– Весна? – тот, кого звали Алексеем, прервал разговор с другом и оглянулся на девушку. – Знакомая фамилия. Мы не встречались?

– Не помню, – отвечала Лида, не поворачивая головы. Парень и в самом деле казался ей смутно знакомым, но разглядывать было нельзя: все тут же решат, что втрескалась, уж слишком он... в общем, слишком.

– Ну, вспомнишь, скажи, – хохотнул он ей в спину.

– Ага, непременно, – небрежным тоном Лида дала понять, что и секунды не потратит на подобную ерунду.

А парень уже переключился на Милу.

– Ты, помню, котят собираешь? – спросил он, склоняясь над ней, как над ребенком. – Я тебе привез одного симпатягу из Анжу.

И раскрыл ладонь. Там притаился котенок из черного сверкающего камня, со стеклянными глазами и с белыми натуральными усишками.

– Спасибо, – пискнула Мила, осторожно снимая с чужой ладони свой подарок.

– Вороном назови, – посоветовал кто-то из заднего ряда. Пронесся легкой рябью беззлобный смешок. Мила судорожно вздохнула и попыталась скрыть вспыхнувшее лицо.

– А это тебе, на долгую память. – Парень, оказывается, с Лидой еще не закончил. Он коснулся пальцев девушки чем-то холодным, и та инстинктивно отдернула руку. – Да не пугайся ты так.

– Не люблю прикосновений, – сердито пробормотала она и перевела взгляд на презент – брелок в виде Эйфелевой башни, весь усыпанный красными камушками. Алеша тряс его за цепочку, заставляя переливаться в солнечных лучах.

– Спасибо, у меня такой есть, – небрежно отстранилась Лида. – Их в Париже на каждом шагу втюхивают.

В Париже она никогда не была, но догадаться было не трудно.

– Точно, – согласился парень и не глядя вручил сувенир какой-то девчонке рядом. Та так и заверещала от счастья. – Бедные студенты торгуют, приходится брать.

– Анна Рейновна идет, – сказал кто-то, и все непроизвольно подтянулись.

Классной руководительницей десятого «А» оказалась женщина неопределенных лет с угловатой фигурой и мелкими чертами лица. Она быстро ходила, порывисто двигалась, поптичьи вертела головой, пересчитывая учеников. Но за внешней суетливостью Лида сразу угадала железную хватку. И совсем успокоилась: в классах с такими учителями не бывает бардака.

– Рада вас видеть, дорогие. Совсем, совсем взрослые. Алеша, надумал к нам вернуться? Вот славно бы было.

– Нет, Анна Рейновна, – тряхнул каштановыми кудрями парень. – Просто соскучился. Позвольте посидеть на паре уроков?

– Буду рада, – с чувством ответила классная. – Приходи когда захочешь. Ну что, на линейку становись?

Дурачась и толкаясь, все ринулись отвоевывать себе места в центре двора. Лида на ходу оглянулась: двое мажоров так и стояли у дуба, разговаривали, сблизив головы, но уже не улыбались и не дурачились. Впрочем, Лиде трудно было представить, чтобы недобрые темные губы Ворона изогнулись в легкомысленной улыбке. Сейчас его лицо и вовсе превратилось в маску скорби. Алексей заглядывал другу в глаза, хлопал по плечу – утешал, что ли? «Да какие проблемы могут быть у этих богатеньких красавцев?»

Школа изнутри ей понравилась. Не такая просторная и современная, как прежняя, питерская, она уютно пахла ремонтом, вдоль стен протянулись бесчисленные стенды с рисунками, фотоработами, заметками о достижениях учащихся. И мраморная доска с фамилиями тех, кто погиб в Отечественную войну, в Афганистане, в Чечне. В общем, было немного как в музее, гулко и торжественно в коридорах, зато вполне по-домашнему в небольших классах.

Мила сразу привела Лиду за свою третью парту у окна и предложила выбрать место. Лида выбрала ближе к проходу, и, кажется, Мила была ей за это благодарна. Сев у окошка, эта солнечная девочка сразу обратила бледное лицо к высоко стоящему в небе солнцу, словно искала у него подпитки.

– Ну что, вспомнила? – Чужое дыхание щекотнуло Лидино ухо.

Оглянувшись, она убедилась, что два самых заметных парня в классе заняли парту сразу за ними. И резко мотнула головой.

После неизбежного урока Мира следующий был вроде как вводный. Классная скрупулезно припоминала каждому его слабые места, в ответ все клялись подтянуться. Потом еще два урока: английский и химия, но до занятий дело так и не дошло, говорили больше об учебниках и прочей ерунде. А потом оказалось, что старшим классам можно расходиться по домам, потому что в рекреационном зале и в столовой еще не закончен ремонт. И все галдящей толпой вывалили наружу.

Мила отправилась провожать новую подругу через парк, и еще до озера Лида узнала все ее сокровенные тайны, главной из которых была трагическая любовь к Марату Вельшину по прозвищу Ворон. Мила грустно полагала, что это навсегда, потому что несла это сладкое проклятие с пятого класса, и за все время не сумела найти ничего и никого, чтобы переключиться.

– Сочувствую, – вздохнула Лида.

– Ты, может, и сама в него влюбишься, – понурилась Мила. – Ворон – он такой. Затягивает чем-то.

– Перестанешь тогда со мной общаться? – Лида не посмела употребить непривычное для нее слово «дружить».

– Ой да прямо! В него половина класса влюблена, а я со всеми нормально общаюсь. Все равно ведь он никого не выделяет. Но тебя – может. Ты очень красивая, – серьезно и без грамма зависти произнесла Мила. – Но я это переживу, клянусь.

– А вообще он с кем встречается?

– С тетеньками, – хмыкнула Мила. – Ну, то есть с девицами далеко не школьного возраста. Они же наверняка не в курсе, что он только в десятом.

– А этот... друг его... Алексей? – И сердце как-то подозрительно скакнуло на этом невинном вопросе.

– Не знаю, – честно призналась Мила. – Он такой... вроде как всеобщий приятель. Любую может в кино позвать или в кафе, она навоображает себе – и никакого продолжения.

– И в него, конечно, влюблена вторая половина класса?

– Ясное дело, других-то вариантов нет.

Остальные парни в классе, общим числом пятнадцать, в самом деле не произвели на Лиду ни малейшего впечатления.

– У них еще игра есть, – продолжала вводить в курс дела Мила. – Какая-нибудь девчонка начнет виснуть, например, на Марате – Алеша тут же оказывает ей знаки внимания. Она не выдерживает и переключается – и все, оба ее игнорят. Ну, то есть, была такая игра, ведь теперь Санин не учится с нами. А жаль, было весело.

– С тобой тоже так играли?

– Да, было, – бледные губы Милы дрогнули в печальной улыбке. – Но ничего не вышло. Знаешь, я сама бы рада... но нет. Заклинило – и не переключить.

– Да, ясно, – согласилась Лида, довольная уже тем, что подруга не требует ответных признаний. Потому что признаваться было не в чем.

На середине каменного мостика они расстались. Лида заторопилась домой, на ходу предвкушая, как порадует рассказом маму: школа хорошая, классная не вредная, одноклассники на первый взгляд кажутся адекватными. И этот город с его дивным парком ей почти уже нравится. Но про то, что у нее вроде как появилась подруга, Лида решила пока не говорить – слишком горьким был прежний многолетний опыт. Необходимо выждать хотя бы неделю.

А дома бушевал скандал. Лида услышала еще с улицы: на одной тягучей ноте подвывал мальчишка, взбешенной совой ухала тетка. Девушка влетела в дом, трясаясь от злости, готовая немедленно вытолкнуть родственницу взащей.

Вера сидела на диване, опершись на подушку, бледная, но с решительным выражением на лице.

«Да тетка ее даже в кресло до сих пор не пересадила!» – мысленно ахнула Лида. Утром она сама хотела это сделать, но мать отмахнулась, велев сосредоточиться на первом учебном дне.

– Уж верно люди говорят: не делай добра – не получишь зла, – вела свою партию тетка. – Вера, я потрясена тем, что ты перестала чують в нас родную кровь. Славичек целый день плачет и жалуется на большую головку, его даже отпустили со школьной линейки. И это его первый день в школе!

– Что ты хочешь, Муза? – устало проговорила мать.

– Хочу напомнить тебе, Вера, что мы – родня твоя, а не наемная прислуга с довеском. Не хочу говорить плохого, но твоя дочь пугает Славу. Он не может спать с ней за стенкой. К тому же я, пардон, храплю, поскольку организм максимально изношен. Мальчик привык иметь свою комнату.

– Хватит! – с порога объявила Лида. – Занимайте весь второй этаж, я перееду вниз – и покончим на этом.

– Нет, так не пойдет, – встрепенулась Вера, кажется, ужасно довольная подоспевшей подмогой в лице дочери. – Ты тут Золушку из себя не изображай.

– Золушка как раз жила на чердаке, – хмыкнула Лида.

– Вот, даже у нее было отдельное жилье. В конце концов мы можем переделать чулан под жилую комнату, поставить перегородку или что-то в этом роде.

– Обязательно поставим, – заверила Лида. – А пока я просто поживу здесь с тобой.

Тетка громко ухнула и удалилась вверх по лестнице, волоча за собой распухшего от слез внука. Мальчишка с площадки второго этажа метнул на Лиду взгляд, полный пугливого отвращения.

– Сейчас отдышусь и начну переносить вещи, – сказала девушка, без сил бухаясь на диван в ногах у матери. – А то она их в окошко повышвыривает. И давай уже, мам, выползай из кровати, сколько можно валяться.

Они привычно играли с Верой в старую игру: будто та только из-за лени не встает с постели сама.

– Ну нет уж, сперва рассказ о новой школе, – заупрямилась мать, осторожно массируя затекшие от неудобного положения ноги и поясницу. – Иначе проваляюсь до вечера и потребую ужин в постель.

Лида пересилила себя, уняла злую дрожь в голосе и начала рассказывать, отыскивая в памяти те самые фразы, что так тщательно составляла по дороге домой. И внутренне ликovala, видя, как расцветает от ее рассказа Вера, как, широко распахнув глаза, взволнованно уточняет каждую положительную деталь: значит, учительница понравилась? И ребята? Третья парта у окна – романтическое местечко, верно?

Лида и сама не заметила, в какой момент сболтнула сдуру о двух парнях, которых невозможно не заметить. И конечно же мать торжественно продекларировала:

– Пора пришла – она влюбилась.

– Да ну тебя, мам! – вспыхнула Лида.

– Это не я, а Пушкин!

– Ну вас с Пушкиным, значит. Там в них и так все поголовно влюблены, а я не желаю быть в массовке.

– Забывай сразу обоих, с кем-то одним уж точно повезет, – со знанием дела кивнула Вера. – Слава богу, красавицей выросла.

– Все, мамуль, давай обедать!

И Лида понеслась инспектировать кухню. Тетка, надо отдать ей должное, приготовила борщ и котлеты, потушила в духовке овощи, да и переставила все на кухне куда более осмысленно и функционально. Так что до вечера девушка управилась со всеми делами: перетащила вниз свои носильные вещи и кресло-кровать, оставив прочую мебель в теткино владение.

Вера следила за переездом скорбными глазами. Но Лида в глубине души была довольна: хоть не придется теперь прислушиваться по ночам – спит ли мама, не вертится ли от боли на своей кровати. Как апогей всех трудов над новым спальным местом Лида повесила на гвоздик любимую картину – «Неизвестную» Крамского. Эта репродукция в самодельной пластиковой раме висела, по уверениям матери, еще над ее колыбелькой.

Ночью спалось плохо. Тяжело дышала во сне мать, ворочалась, искала положение для искореженных костей. Даже через потолок были слышны выводимые теткой рулады. Лида в сотый раз крутанулась на кровати – и вдруг вспомнила. Ну конечно, ведь они с Алешей учились в первом классе! Только тогда он был совсем мелкий, до слез застенчивый и еще не научился так великолепно улыбаться. Зато однажды здорово выручил Лиду... спас от первой в жизни двойки... или что-то в этом роде... Додумать не успела – провалилась в сон.

Глава 4. Опасная компания

Второе сентября удержало ясную и теплую погоду. Лида шла через парк и улыбалась, а парк в ответ ласково шурился на нее сквозь рыжие ресницы. На подходе к мостику изогнутому каменную спину подобно драчливому коту ее обогнали два бегуна, парень и девушка, оглянулись и одарили белозубыми улыбками. А потом остановились чуть поодаль за мостом и устали дружно в ее сторону.

«Чего это они вылупились?»

Лида мысленно проинспектировала себя. Одежда и прическа, кажется, в порядке. Проходя мимо, девушка и сама задержала взгляд на бегунах. А посмотреть было на что.

Парень был огненно-рыж, горбонос, с глазами цвета кипящего шоколада, и глядел он на Лиду с высоты своих двух с лишним метров внимательно и вдумчиво, словно прикидывал, на что она может согдаться. Поджарое тело перевито мышцами. От него веяло убийственной мощью.

Девушка, восточного или южного типа, была достаточно высока, но на фоне своего огромного друга выглядела крохой. Две пушистые косы переброшены на грудь, темные глаза с поволокой загадочно и влажно сияют из-под припухлых век. Ее алый спортивный костюм пламенел в молочной дымке утра, но еще ярче горел румянец на смуглых скулах.

Девушка казалась до невозможности знакомой. Как будто Лиде приходилось видеть ее каждый день, но совсем в иной обстановке. Дойдя до следующего моста, Лида позволила себе оглянуться, но парочка уже продолжила свой размеренный бег.

«Ну что за напасть, теперь снова придется мучиться – вспоминать. Просто какой-то город забытых людей».

Помучившись немного и так ничего и не вспомнив, Лида рассудила, что лучше и вовсе выбросить и головы этих двоих с их непонятными взглядами и улыбками. Мало ли что примерщится с недосыпу и в малознакомой местности!

В школе она легко отыскала нужный класс и очень обрадовалась, увидав от двери, как с третьей парты у окна ей призывно машет узкой ладошкой Мила. Значит, солнечная девочка еще не прониклась к ней отвращением. Но на подходе Лида неприятно удивилась тому, что за партой позади них взволнованно ерзает прилизанная полноватая девочка. Ворона рядом не наблюдалось, но его рюкзак висел на спинке соседнего стула.

– Что она тут делает? – прошептала Лида на ухо новой подруге.

Мила глянула озадаченно:

– Ну... сидит. Санин ведь не будет с нами учиться, я говорила.

Странно, эта информация совершенно не удержалась в Лидином сознании. Она почему-то была уверена, что первым делом увидит в школе Алешу и, возможно, даже признает мимоходом факт их прежнего знакомства.

– Тебе стоило туда сесть, не ей, – сказала она.

Но Мила покачала головой:

– Нет, не стоило. Мне еще школу, знаешь ли, заканчивать нужно. – И уткнулась взглядом в учебник.

Второй школьный день уже полностью утратил атмосферу праздничной новизны. Незнакомые учителя тягали Лиду к доске и прошупывали иезуитскими приемчиками ее знания, впрочем, не такие уж плохие. Она поймала на себе несколько неприязненных взглядов новых одноклассниц и едва не была скинута орущей толпой с крутой лестницы по пути в буфет.

После шестого урока она вышла из школы одна – Мила осталась на вводное собрание фотокружка. От утреннего солнца не осталось и следа, небо сковала серая корка дожденос-

ных облаков. Девушка лениво размышляла о забытом доме зонтике, когда вдруг заметила Алексея. Он стоял в закутке возле спортивного зала и с повышенным вниманием разглядывал тучи над головой. Ноги сами принесли Лиду к его убежищу раньше, чем она успела подумать об уместности такого поступка.

– Привет, Алеша, а я вспомнила, откуда ты меня знаешь. – Так, теперь еще и язык самолично принимает решения.

Парень глянул на нее озадаченно. Но все-таки одарил своей фирменной улыбкой:

– О, а я даже не надеялся. Я ведь тогда на стул едва забирался.

– Не всегда сам. Тебя учительница пару раз подсаживала, – безжалостно уточнила Лида. – Но теперь вроде нарастил пару сантиметров.

– Наростишь тут, когда каждое утро висишь на дверце шкафа с гантелями на ногах!

– Странно, что ты с такими навыками занялся плаванием, а не, к примеру, альпинизмом.

Алеша со смешком развел руками:

– Так преимуществ больше. А я жажду славы.

– И кстати, спасибо за ту домашку. – Лида затаила дыхание в ожидании: помнит ли? Он, кажется, помнил.

– Да не за что, делов-то!

– А с какой стати ты вообще полез в мои прописи? Ну, в смысле, мы ведь даже не разговаривали с тобой никогда.

– Да так, услышал на перемене, что будет проверка, и решил выяснить, как у тебя дела. Заглянул, а там пусто.

– Ты бы хоть не так старался, что ли. А то навел красоту! Учительница наверняка заметила, что почерк не мой.

– Я очень старался не стараться, – заверил ее Алеша. – Наверно, плохо получилось, времени-то было в обрез.

– Она, конечно, все поняла, но промолчала: хотела, чтобы у меня были друзья. От меня ведь все шарахались, если помнишь. Кроме тебя.

– Еще бы не шарахаться.

Кровь толчком прилила к Лидиным щекам.

– А что, было такое... от чего шарахаться? Я ведь себя не видела со стороны.

– А зеркало тебе на что? – совсем развеселился Алексей. – Ты ведь была как звездочка, из других классов прибегали на тебя посмотреть. Да все девчонки в нашем классе от зависти с ума сходили! Неужели за столько лет сама не догадалась?

– Да вот как-то не сообразила, – совсем потерявшись от смущения, выдавила девушка. – Я думала, по каким-то другим причинам... не знаю.

– А какие еще могут быть причины?

– Слушай, как тебе нравится учиться на экстернате? – сменила она тему.

– Да никаких проблем. Плюс огромная экономия времени.

– Трудно это устроить?

– Не очень. А зачем тебе? – Алексей насторожился.

– Ну, тоже об этом подумываю.

– Проблемы?

– Да вроде того. Мама сильно болеет, нужно ухаживать.

– С мамой что-то фатальное? – помрачнел Алеша. – Или просто временные трудности?

– Не временные, нет. Когда-то мама пострадала при крушении поезда. Ее спасли, но она осталась инвалидом, а теперь совсем почти не может ходить. Есть, правда, тетка, но от нее только хуже.

Немного помолчали. Мимо пронесился освобожденный школьный народ, многие поглядывали с интересом... даже с завистью. А Лида чувствовала себя бесконечно далекой от этой суеты, словно в звуконепроницаемой капсуле.

– Знаешь, если есть кому помочь, не спеши уходить из школы, – снова заговорил парень. – Лучше доучись нормально.

– А сам только что сказал, что экстернат – это круто!

– Ну да, сказал. Только уж очень одиноко себя чувствуешь, когда кончается вдруг все это. – Он взмахом руки очертил школьный двор и само здание. – Оказываешься словно в вакууме. А если еще наваливаются взрослые проблемы – то все, юность закончилась. В общем, не советуя торопиться.

Лида глянула с удивлением – странные рассуждения для ее ровесника. Может, и не все так отлично в мире этого красавца с глянцевой обложки. И тут резкий оклик за спиной заставил ее подпрыгнуть на месте.

– Эй, Леха, ты чего тут?

Это был Ворон. Лида осознала, что вчера так и не услышала его голос. А голос был самый подходящий, низкий, рыкающий. И секундой спустя родилась умопомрачительная фантазия: если Марат не ожидал увидеть здесь сегодня своего друга, то, может, Алеша пришел ради нее?

– Привет, – беззаботно отозвался Алексей. – Хочу с тобой об одном дельце поболтать. Был... на тренировке, телефон сдох, пришлось сюда топтать. Пошли, что ли?

– Ага, двинули. – Марат настороженно скосил антрацитовые глаза на Лиду, словно не признал в ней новую одноклассницу. Затем обогнул, как бездушное дерево, и, встав рядом с другом, нетерпеливо глянул на часы.

– Слушай, если я решу насчет экстерната, сможешь советом? – зачем-то спросила Лида, хотя правильным решением было исчезнуть как можно скорей.

– Не вопрос, – равнодушно глядя в сторону, отозвался Алексей. – Если какие вопросы, ты обратись вот к Марату, – звучный хлопок по плечу невозмутимого, как скала, друга, – он подскажет, как со мной связаться. Ага?

– Угу.

Это было полное фиаско. Если даже не дал ей свой номер – секундное дело! – то о чем еще говорить. Забыть, выбросить из памяти! Лида краем глаза видела, как парни уходили – высокие, спортивные, в фирменных шмотках, – и внутренне корчилась от боли. Они из разных миров, это ясно.

Дождевая туча вырвалась на глазах, идти через парк без зонта было почти что самоубийством. К тому же Лида замерзла – изнутри больше, чем снаружи. Вспомнилась мамина мантра насчет автобуса, что останавливается за школой и идет напрямик до их поселка – только с утра Вера десять раз напомнила об этом варианте на случай дождя. Мать изучала город по карте в Интернете и ориентировалась в нем уже гораздо лучше дочери. Лида, вздохнув, отправилась искать тот самый автобус.

К остановке она подошла как раз вовремя, влезла в душный салон и завладела целым двухместным диванчиком: пассажиров оказалось совсем мало. Прежде в центре Питера ей не приходилось встречать полупустые автобусы. Пристроив рядом с собой сумку девушка покрутила головой в поисках контролера. Но обнаружила кое-кого другого...

Через проход от нее у окна сидел рыжеволосый атлет, у которого на коленях примостилась восточная красавица, на этот раз в коротком красном плаще. Девушка что-то громко вещала в ухо своему, предположительно, бойфренду и при этом оттягивала ему мочку изящными пальчиками. Тот морщился, но терпел. Звонкий голос девушки был слышен в любой точке автобуса. Тараторила она на французском.

Рядом с шумной парочкой примостился еще один странный тип, блондин с давно не мытыми волосами. Ворот черной водолазки натянут на нос и скулы, черная же трикотажная шапочка закрывает брови, из-под нее свисают неопрятные лохмы. Просто какой-то карикатурный шпион. Пепельного цвета воспаленные глаза зыркали в Лидину сторону настороженно и недобро. И почему-то было ясно, что все трое – одна компания.

«Иностранцы. Теперь понятно, почему они такие... странные».

Девушка вдруг перестала терзать чужое ухо, глянула на Лиду в упор и произнесла на чистейшем русском языке, ну, разве что с едва уловимым акцентом:

– Если хочешь заплатить за проезд, то передай деньги водителю. Хотя можешь не заморачиваться – проверять никто не станет.

– Что?! – так и подпрыгнула от неожиданности Лида. – Ой, да, спасибо.

Она передала деньги по цепочке пассажиров, засунула кошелек поглубже в сумку и снова скосила глаза направо. Теперь вся троица уставилась на нее в упор, будто это не они, а Лида выглядела необычно.

«Да что им надо в конце концов?! И что делать, если увяжутся за мной в поселок?»

Но странная компания вышла за две остановки до конечной. И впечатление чего-то таинственного сразу развеялось, стало немного смешно и неловко. Эх, не прошло ей даром знакомство с маньяком!

Ступая по мокрому гравию ведущей к дому дорожки, Лида раздумывала о том, стоит ли рассказывать об этом странном происшествии Вере. Обычно она тщательно дозировала информацию для матери: с одной стороны, чтобы та не чувствовала себя списанной со счетов, с другой – старалась не напугать и не огорчить. Не дать почувствовать себя еще более беспомощной, неспособной защитить дочку. Пожалуй, о подозрительной компании лучше помолчать. И вспомнить наконец, откуда она знает эту девицу. Учились вместе в Питере? Ей примерно лет девятнадцать, могла окончить школу в прошлом году. Встречала ее в библиотеке? Видела за прилавком в магазине?

Дом стоял тихий, мокрый. Лида скинула у дверей туфли, босиком пошлепала по коридору, но была остановлена теткинским окриком с кухни:

– Лидия! Поди-ка живо сюда!

– Сейчас, тетя, только с мамой поздороваюсь, – тщето стараясь придать голосу оттенок родственной почтительности, отозвалась девушка.

– А я говорю, сюда иди, в комнату не суйся! – тетка явно пребывала не в духе.

Лида резко тормознула, а затем рванула в сторону кухни, желая немедленно объясниться.

– Я не поняла, тетя, из мансарды вы меня выселили, так мне уже и в нашу с мамой комнату войти нельзя? Может, мне вообще в собачьей конуре поселиться?

Тетка, навалившись необъятной грудью на стол, шинковала овощи. Ее голову обвивало банное полотенце, сколотое прищепкой на затылке и так сильно намоченное, что струйки воды стекали по рыхлой коже на ворот байкового халата.

– Не кричи, – с натугой выдавила она. – Меня не жалко, так хоть мать пожалей. Она из-за погоды все утро промаялась, таблеток напилась и сейчас только задремала.

Лида испытала болезненный приступ стыда: она совсем забыла, как сильно страдает Вера от перемены погоды. У нее в такие дни нещадно ныли изувеченные кости.

– Помочь вам, тетя? – спросила она, тоном выдавая раскаяние.

– Помогите, – не стала церемониться тетка. – Морковку вон кружками нарежь. Сама не знаю, как еще на ногах стою.

– У вас тоже реакция на дождь?

– Не знаю, на что у меня реакция, – буркнула тетка, отвергая все попытки Лиды примириться. – На весь этот дом у меня реакция. Как приехали, так и страдаю. И Славик мается.

Лида украдкой закатила глаза: да кто их тут держит со Славиком? Она отыскала в шкафу еще одну доску и начала трудиться над морковкой. Спустя пару минут тетка снова заговорила:

– Так что, Лидия, я сегодня имела долгий телефонный разговор с одним питерским медицинским светилом. И он сказал, что твою мать в таком состоянии вполне можно поместить в больницу, первоначально на пару месяцев. А потом и подумать об оформлении в подходящее лечебное заведение.

Лида, не веря своим ушам, оцепенела с ножом в руках.

– Да, а что ты думала? – усилила напор тетка Муза. – Дела-то у Веры все хуже и хуже, скоро ни я, ни ты уже справиться с ней не сможем. А там специальное оборудование, персонал обученный, лечебные процедуры...

– Да замолчите, тетя! – не выдержала Лида. – Никуда мама отсюда не переедет. Вас пригласили помогать, а вы...

– Ну да, не стожильная я, – рявкнула тетка. – И не могу ее туда-сюда на себе таскать, пока ты в школе или еще где прохлаждаешься! И нечего на меня глазами сверкать! А была бы как есть хорошая дочь, школу бы оставила, работу денежную нашла да к матери хорошую сиделку приставила! Чего ж за партой зад просиживать, когда такая беда?

И тетка набросилась на капусту, словно отсекала головы дракону. Лида даже растерялась немного, потому что сама много раз прокручивала в голове такой вариант.

– Мама даже слушать об этом не желает, – попыталась объяснить она. – Она всегда меня ориентировала на поступление в институт. Да попробуй я хотя бы заикнуться о таком...

– Ага, Верка образование уважает! – перебила тетка, брюзгливо выпячивая губы. – Сама учиться в Питер умотала и уже к третьему курсу с тобой нянчилась. И дочь по тому же курсу толкает, безумная...

– Хватит! – Лида даже удивилась, что можно так орать шепотом. – Забирайте, тетя, свои вещи, внука и валите отсюда как можно скорее! Сами справимся. От вас только хуже стало!

– Ах, вот как заговорила! – паровой сиреной взвыла тетка, упирая руки в жирные бока и наступая на девушку. – Власть в доме забрала в обход старших! Нет, милочка, без тебя как-нибудь все решим. А я уж, кстати, говорила с Верой насчет больницы, и она со мной согласная...

Рыжие кружочки моркови отправились напрямик тетке в лицо, та взвизгнула, прикрылась руками, рухнула на табурет. Лида еще пару секунд бесцельно металась по кухне, а потом бросилась вон из дома.

Часа два она кружила по поселку, натыкалась на прохожих, проваливалась в глубокие лужи. Дождь уже прекратился, но последние капли словно оцепенели в воздухе прохладным липким маревом и с готовностью оседали на волосы и одежду девушки. Теперь Лида даже мечтала, чтобы хоть что-то необычное отвлекло ее от ужасных мыслей. Странная компания, еще один маньяк – все сгодится. Но поселок был уныл и сер. А когда окончательно стемнело, пришлось возвращаться домой.

Сперва она заскочила в ванную комнату, привела себя в порядок и просушила волосы феном. Потом на цыпочках вошла в их с мамой комнату, все еще темную. Но мать не спала и сразу же включила бра над головой. У Лиды в груди словно провернули что-то острое и шипастое, когда она увидела, как бледна и измучена Вера.

– Лида, слава богу, – невнятно проговорила мать. – Я чуть с ума не сошла, зачем ты унеслась куда-то без телефона?

– Прости, мам, забыла.

– А что у вас с Музой произошло? Дочь, я не могу поверить в то, что она мне рассказала...

– Ну и не верь, – буркнула Лида.

– Замолчи! – прошептала Вера. – Ты сейчас пойдешь к тете и от всей души извинишься перед ней за все, что натворила! Потому что сегодня ты явно переступила черту.

– Мама, но ты же не знаешь всего, что она мне наговорила! – растеряла последние остатки самообладание девушка. – И не стану я извиняться. Нам всем будет лучше, если она свалит отсюда как можно скорее.

– Нет, – произнесла мать и завозилась на диване, стараясь подтянуть к себе за ручку инвалидное кресло. – Это я свалю отсюда, прямо сейчас.

– Куда это? – испугалась Лида.

– Туда это, – мать упорно тащила больное тело к краю дивана. – Я не желаю превращать жизнь моих близких в кошмар. Ничего, на улице калеку не оставят, определяют куда-нибудь.

– Мама, ну это шантаж! – возмутилась девушка.

– А что мне еще остается? – вздохнула Вера.

– Ладно, пойду извинюсь, только ты успокойся. – Лида на всякий случай ударом ноги отослала кресло подальше в угол. – Пусть у нее вообще голова отвалится от моих извинений! – Лидия!

Но девушка уже неслась скачками по лестнице. Дверь в теткину комнату была приоткрыта наверняка для того, чтобы стоны страдальцы беспрепятственно разносились по дому. Тетка необъятной грудой лежала на кровати, вперив взгляд в потолок, все еще с полотенцем на голове. Славик пристроился у нее в ногах и что-то раскрашивал в тетрадке. Выглядела тетка в самом деле плохо, лицо отекло и приобрело желтоватый оттенок.

– Тетя, я пришла извиниться, – с порога объявила Лида, стараясь смотреть в сторону – так омерзительна была ей в этот момент родственница. – Вы меня прощаете?

Тетка медленно завозилась на кровати, поправила полотенце, но так и не повернула голову к двери.

– Ты считаешь, Лидия, любые вещи можно простить?

– Не любые. Я, например, не собираюсь вас прощать, даже если очень попросите, – сквозь зубы проговорила девушка. – Но перед вами я извиняюсь, особенно за морковку.

– Поди прочь, – тускло, без выражения, произнесла тетка.

Мальчик испуганно сглотнул, глядя на Лиду как на порождение ада.

Только спустившись со второго этажа, она смогла перевести дыхание, спертое от ненависти.

За воскресенье Лида едва сумела взять себя в руки и хоть немного успокоиться. Тетка встала на ноги только к полудню, приготовила обед, но держалась с достоинством невинно осужденной на казнь. Об отправке сестры в больницу она больше не заговаривала, но сама идея незримо витала в атмосфере дома. Вера сделалась совсем тихой, в каждом ее слове сквозило чувство вины. И это сводило Лиду с ума.

Понедельник в школе тянулся уныло. Дождь лил отвесно и шумно, заглушая голоса учителей, от окна тянуло сыростью. Мила, подруга, как-то сразу скисла без солнца. А может, оттого, что ее личное светило сидело у нее за спиной, равнодушное и недоступное. Лида с трудом пробивалась сквозь вязкий дурман занятий и хотела лишь одного – вернуться домой и нырнуть под одеяло. И не видеть тетку со Славиком. И чтобы маме не становилось с каждым днем все хуже.

На геометрии ее вызвали к доске доказывать теорему, и Лида знала: при желании можно покопаться в мозгах и вспомнить доказательство. Но делать усилие не хотелось – и она вернулась на место с первой двойкой в новой школе.

Последний урок как-то стихийно перерос в классный час, а после звонка классная неожиданно попросила Лиду остаться.

– Я жду тебя в вестибюле, – пискнула с порога Мила.

– Садись, – Анна Рейновна кивнула на ближайшую к ее столу парту.

Лида плюхнулась на стул, мало интересуясь предстоящим разговором. И хорошо бы говорила только учительница. Но она начала с вопроса:

– Как тебе в нашей школе, Лида?

Девушка повела плечами:

– Да нормально в целом.

– Что-то тебя здесь удивило? Что-то отличается от того, к чему ты привыкла на прежнем месте?

Лида задумалась, не зная, как облечь в слова то, что она ощущала. Не придумала, просто сказала:

– Ребята здесь другие. С ними как-то проще... найти общий язык.

– Это ты правильно заметила, – словно бы обрадовалась классная. – Хотя у нас половина населения работает в Питере и ехать тут полчаса от силы, а все же мы провинция. И ребята здесь не так амбициозны, не так замкнуты каждый в своем собственном мирке. Но и простачками их не назовешь, хотя на первый взгляд может так показаться. Здесь у каждого свои тайны, свои горести, свои надежды. А ты неплохо вписалась в коллектив. Знания у тебя, учителя говорят, крепкие. Вот только сегодня...

– Я двойку исправлю, – заверила Лида.

– ...сегодня, я вижу, ты не в своей тарелке, – закончила свою мысль учительница. – Догадываюсь, что это из-за матери. Нет, – она пресекла Лидину попытку что-то возразить, – я не собираюсь лезть тебе в душу, но хочу, чтобы ты знала: ты всегда можешь рассчитывать на помощь учителей, одноклассников. Просто не стесняйся говорить о своих проблемах. Хорошо?

Лида, болезненно переводя дыхание, коротко кивнула.

– И еще я очень рада, что ты подружилась с Милой Журавкой, – улыбнулась учительница. – Вот уж кто никогда не предаст и первой примчится на помощь. Мила не похожа на других.

– Да, она... очень милая. – Лида поморщилась от дурацкого каламбура.

– Я бы сказала, кроткая, – уточнила учительница. – Забытое слово, и так редко теперь всплывает в памяти. С такими людьми нужно обращаться бережно. Ладно, беги, вижу, что тебе не терпится.

Лида, выдавив напоследок вежливую улыбку, поспешила испариться.

Толпа в раздевалке уже рассеялась. Только откуда-то из глубины, из-за сдвинутых в один массив лишних вешалок до нее донеслись голоса.

– Как тебе новенькая? – кажется, говорила Аня Кошкина, классная активистка.

– Ну как, сама догадайся, – тонким голоском отозвалась Мила. – Мы подружились.

– А обратно раздружиться пока не хочешь?

Молчание.

– Нет, ну я даже не знаю, как тебе это сказать... Есть в ней что-то жутковатое, тебе не показалось? Не могу понять, что именно, но я бы с ней точно общаться не стала. Тем более сидеть за одной партой.

«Ну вот, знакомая песня, и на что я надеялась?»

– Ты себя не мучь, если что, пересаживайся ко мне или к Нельке, – сочувственным голосом предложила Кошкина.

– Я знаю, что в ней не так, – прошелестел напряженный Милин голос, и Лида совсем перестала дышать. – Она мне во всем призналась.

– В смысле?

– В смысле, что она – оборотень. Это у них семейное, ничего не поделаешь. В шестнадцать лет произошла инициация, и семья тут же перебралась в наш город. Ну, у нас ведь лес огромный, есть где укрыться.

– Журавка, хватит гнать, – не слишком уверенно произнесла Кошкина, а Лиде пришлось зажать рот руками, чтобы не расхохотаться.

– Но я волнуюсь немного насчет зимы, – дрожащим голосом продолжала Мила. – Темнеет так рано, перерождение может начаться прямо в школе. И она первым делом набросится на меня, потому что мой запах будет знать лучше других. Мы, конечно, пытаемся придумать что-нибудь на такой случай...

– Вот больная! – возмутилась Кошкина. – Повзрослей уже!

И с шумом ломанулась к выходу. Следом за ней вышла и Мила, а Лида немного задержалась, не желая выдавать свое присутствие. Неприятный осадок исчез без следа. С такой подругой, как Мила Журавка, что ей за дело до чужих идиотских страхов!

Уже в плаще и уличной обуви она отыскала Милу в холле, задумчиво глядящую в окно.

– Дождь кончился, – меланхолично сообщила та.

– Ну и здорово! Пошли бродить по парку!

А потом сделала то, чего не делала никогда в жизни, – взяла Милу за маленькую теплую ладошку. И вдруг вспомнила, как ей хотелось еще в детском саду ходить за руку с другими девочками, но никто не соглашался. А Мила только доверчиво сжала ее пальцы:

– Пойдем! Только туфли мои скоро промокнут, много не нагуляем.

Они вышли в серый опустевший двор, вдохнули разом пряный осенний воздух – и тут у них на пути возник Алеша Санин.

– Мил, будь так добра, иди сегодня домой одна, – очень вежливо попросил он. – Нам с Лидой нужно поговорить.

– Нет, не нужно, – возмутилась Лида, ощутив, как ускользает, тянет прочь руку ее робкая подружка. – С какой это стати? Ты к Марату своему пришел – вот и жди его.

Алексей преграждал им дорогу и смотрел удивленно, будто поверить не мог, что какая-то девчонка не согласна идти с ним на край света по первому требованию. Потом сердитым голосом повторил:

– Есть разговор, и это очень важно. Извините, если нарушил ваши планы.

– Я пойду, – пискнула Мила, все больше краснея. – Мне в самом деле нужно... дома ждут... и туфли...

И едва не бегом бросилась прочь. Лида проводила ее растерянным взглядом, потом, медленно закипая, обратила свой взор на Санина:

– Ну и что за спешка? Если что надо – связался бы со мной через Ворона, он знает, где меня найти.

– Так и знал, что ты обидишься, – ухмыльнулся Алексей.

– Не обиделась, но запомнила. И что там у тебя случилось?

– Не у меня, а у тебя, кстати. Что это за банда ряженных тебя караулила возле школы? Рыжий варяг, королева красоты и человек-невидимка.

Тут уж Лида не смогла удержаться от громкого смешка: «человек-невидимка» – удачная придумка, не то что ее «шпион». Алексей вперил в нее пронзительный взгляд:

– Так ты их знаешь?

– Видела пару раз, – призналась девушка.

– Они что, следят за тобой?

– Я бы не сказала. Скорее уж наоборот: упорно лезут мне на глаза. А что вообще случилось?

– Они были здесь, – Санин очертил пальцем пространство школьного двора. – Я пришел где-то в начале седьмого урока, чтобы успеть в библиотеку. А они в районе дуба куч-

ковались. Я отреагировал, потому что девица назвала твою фамилию. Кстати, знакомая девчонка, вроде видел ее где-то, а вспомнить никак не могу. Ну я и подслушал. Из-за дуба.

– И о чем они говорили? – с нарастающей тревогой спросила Лида. Кажется, сегодня в городе – день всеобщих подслушиваний. Но откуда девица знает ее фамилию?!

Алексей напряженно молчал, явно сортируя в уме полученную информацию. А Лида, как-то разом забыв суть проблемы, исподтишка разглядывала его и размышляла о том, что серьезным он нравится ей даже больше.

– Они говорили про какую-то проверку, – наконец произнес парень. – Что данных мало, но по полицейской сводке проходила именно ты. Тут красotka и назвала твою фамилию, типа, редкая. Что за сводка такая?

– Потом объясню, – вспыхнула Лида. – Что дальше?

– Рыжий сказал, что это может быть лишь совпадением. И лучше оставить тебя в покое. А девица в ответ: ни за что. А невидимка молчал-молчал, а потом ляпнул: так давайте устроим проверку. Девица на него вызверилась, что, типа, давно никого не убивал? А тот ответил, что, может, до убийства дело не дойдет, зато все сразу прояснится. Вот эти фразочки я хорошо запомнил. Что скажешь?

Лида сказать ничего не могла: от «фразочек» у нее запрыгала челюсть. Алексей подождал, потом осторожно дотронулся до ее плеча.

– Напугал я тебя? Ну, прости, конечно, передаю лишь то, что слышал собственными ушами. Ты обещала что-то объяснить.

Лида с великим усилием сглотнула и вновь обрела возможность произносить слова.

– Ты не поверишь, но в первый же день после переезда я пошла гулять в лес и нарвалась на маньяка, – отстраненным голосом произнесла она. – Он пытался заманить меня в свое логово, а потом взял и умер от разрыва сердца.

– Что, вот так просто взял и умер? – вкрадчиво уточнил Алексей.

– Я же говорю, в это трудно поверить. Просто повезло, я даже испугаться не успела по-настоящему. В полиции мне сказали, что он давно уже... промышлял тут у вас.

– И ты его обезвредила, – то ли спросил, то ли подытожил парень, глядя на Лиду широко распахнутыми глазами.

– Ну, я-то его и пальцем не тронула, – не стала брать на себя лишнего девушка. – Просто счастливое совпадение.

– Слушай, а если эти люди как-то с ним связаны? Друзья, родственники? Тогда получается, они собираются отомстить тебе за его смерть?

У Лиды снова перехватило дыхание. Она вспомнила лица странных незнакомцев в парке и в автобусе. Они не показались ей враждебно настроенными, но вот их слова говорили о другом. Если Алеша все правильно понял и передал.

– О какой такой проверке они говорили? Они, может, думают, что я каратистка или что-то в этом роде, и хотят напасть на меня, чтобы в этом убедиться? Так, что ли?

Санин молча смотрел на нее, что-то обдумывал. Потом спросил:

– Слушай, извини, у тебя есть отец?

– Даже не слышала о таком явлении в своей жизни, – хмыкнула девушка. – Но он конечно же был космонавтом или полярником.

– Ну, само собой. А старшие братья, двоюродные, троюродные?

– Зачем?

– Кто-то должен присматривать за тобой! – твердо произнес Алексей. – Может, все это ерунда и разговор был просто шутейный, но меры принять необходимо. Я с тобой возиться не смогу, уж извини. Ну, найди себе защитника, что ли!

– Это каким же образом? – рассердилась Лида, которую слово «возиться» окончательно выбило из колеи.

– Весна, ты что, опять забыла в зеркало посмотреться? – Алексей усмехнулся и, взяв Лиду за плечи, веско проговорил: – Познакомься уже с каким-нибудь нормальным парнем, хоть в школе, хоть еще где! Или срочно помирись с бывшим!

– Знаешь, дурацкий разговор получается. – Лида резко отступила в сторону, скинула чужие руки. – Нет у меня никаких бывших, и знакомиться из-за ерунды я ни с кем не собираюсь. Просто не буду обращать внимание на всяких идиотов...

– Лида!

– Да может, у них просто игра, квест какой-нибудь дурацкий, что теперь, из города бежать? А может, ты вообще все это придумал, а? Может, у вас тут принято так развлекаться?

– Дура ты, – покачал головой Алеша. – И я не лучше. Ладно, пока, увидимся.

И тут же, отвернувшись от нее, заорал на весь двор:

– Эй, Ворон, лети сюда!

Лида не сумела отойти достаточно быстро, и подоспевший Марат окинул ее с ног до головы удивленно-небрежным взглядом, как будто вопрошая, зачем она вечно отирается рядом с его лучшим другом. От этого взгляда девушку бросило в жар. Она вышла со школьного двора, стараясь держать спину прямо, и там обнаружила Милу, бродившую неприкаянно туда и сюда вдоль забора.

– Ты меня ждешь? – обрадовалась Лида. Ее никогда никто не ждал.

– Вообще да, но если у тебя... если вы... – еще больше засмушалась девушка.

Кроткая. Да, это именно то слово. Кто бы еще стал ждать подругу в ситуации, когда тебя едва не послали, просто на всякий случай? И рухнувший было мир постепенно снова обрел свои пока еще призрачные очертания.

Глава 5. Защитник

Тетка Муза затаилась или просто паршиво себя чувствовала. С племянницей она старалась не пересекаться, даже вставала после ее ухода, а потом отвозила внука в школу на такси. Погода наладилась, и матери чуточку полегчало.

Лида вышла из школьного здания с Милой под руку, первым делом метнула взгляд на закуток перед спортивным залом, наверно, она всегда теперь будет туда смотреть. Но закуток пустовал.

– Прогуляемся по парку? – Журавка снизу вверх заглянула ей в лицо. – Погода вроде нормальная.

– Конечно, пошли.

Но едва вышли со школьного двора, как кто-то бесцеремонно схватил за плечи сразу обеих, каркнул в ухо:

– Девочки идут собирать осенние листочки?

Мила беззвучно охнула и залилась краской, а Лида сердито стряхнула с плеча жесткую лапу Ворона:

– Вот только не нужно подкрадываться!

– А компанию составить можно? – просительно мурлыкнул Марат.

Сегодня он был облачен в обтягивающий джемпер брусничного цвета. В урочное время Лида как-то не обратила на него внимания, зато теперь догадалась, отчего это Мила весь день пребывала в прострации. Выглядел Вельшин просто сногшибательно.

«Да как его в таком виде в школу пускают?! Скольким девчонкам этот выпендренник сорвал учебный процесс?»

С ответом на вопрос она не спешила. Отшить нахала при Миле невозможно, хотя очень хочется. Но ради единственной подруги можно и потерпеть.

– Если Лида не против, – нетвердым голосом произнесла Журавка и глянула умоляющими глазами.

– А с чего это ей быть против? – от всей души удивился Марат. И нахально вклинился между девушками, подхватил обеих под руки.

Они скоро достигли границ парка, промытого ночным дождем, щедро сбрызнутого всеми красками осени. Болтал в основном Ворон, но Лида его не слушала, смущенная и озабоченная ожиданием того неловкого момента, когда они окажутся у моста.

На мосту они с Милой обычно расставались: подруга возвращалась в город, а Лида шла к себе в поселок. И теперь ее страшила мысль, что Марат по неведомым причинам увяжется за ней, а Мила... ей будет больно. И неизвестно, найдет ли она в себе силы сохранить без ущерба их такую недавнюю дружбу.

У Журавки в кармане заверещал телефон, и она, пробормотав слова извинения, сошла с тропинки. И тут Лидина ярость наконец вырвалась наружу.

– Так, довольно, – круто развернувшись, прошипела она в лицо Вельшину. – Ты хороший друг, я оценила. А теперь, пожалуйста, скажи мне и Милке до свидания и отправляйся по своим делам!

Ворон смотрел на нее в упор и холодно улыбался.

– За что ты меня гонишь? – спросил он. – Я вроде вел себя прилично.

– Ты сам знаешь, за что. Твой ужасно занятой друг велел присматривать за мной, верно?

– Весна, – в голосе Марата зазвенел металл, – я похож на человека, которому можно что-то приказывать?

– Ну, попросил, какая разница? Так вот, этого не нужно. Произошло недоразумение, я уже все выяснила. Те люди не опасны...

– Кажется, я ни о чем тебя не спрашивал и не уверен, что мне интересно, – вкрадчиво подметил Ворон.

– Чего ж ты тогда к нам прилип? – нарочито грубо спросила девушка. – Тебе ведь совсем неинтересна наша компания.

– Вот этого ты знать не можешь, – хмыкнул Вельшин. – Может, я здесь не из-за тебя, так что не напрягайся.

Тут Лида окончательно растерялась: а если в самом деле не из-за нее? Черт, как по дурачки получилось! И что ей теперь – испариться?

В этот момент вернулась, пряча телефон, Журавка, и ничего больше нельзя было сказать или спросить. А Марат упорно тянул их к роковому мосту. Они дошли – и тут случилось и вовсе неожиданное! Мила словно забыла, что ей пора сворачивать, и перешла мост, словно влекомая таинственным зовом флейты. Ворон, кажется, ничего не понял.

Журавка очнулась, лишь когда травяной ковер под ногами сменился поселковой брусчаткой. Вздрогнула, мучительно покраснела. Лида тут же взяла ее за руку и сказала:

– Пойдем, зайдешь ко мне в гости.

– Ага, люблю я бывать в гостях, – вперед Милы насмешливо протянул Вельшин.

Лида хотела снова разозлиться, но не успела. Потому что в этот момент свернули на ее улицу, и девушка отчетливо разглядела машину «скорой помощи» у ворот своего дома. Ахнула и сорвалась с места.

Калитка была распахнута настежь и приперта булыжником, глухо перекликались чужие голоса, внутри дома жалобно взвизгивали ветхие половицы. Два санитары, с натугой передвигая ноги, пронесли мимо носилки, и Лида ошеломленно глянула на обмякшее лицо тетки. Наверху, на площадке, стоял Славик, таращился вниз и громко икал. За носилками спешила измученная докторша, на ходу застегивая бурый саквояж.

– Что случилось? – вжимаясь в стенку, пробормотала Лида.

– Родственница? – мазнула по ней глазами женщина. – Очень хорошо, пойдешь наверх, успокой мальчика. А тут мы сами разберемся.

Но Лида, не выслушав толком, уже неслась в их с матерью комнату. Вера сидела на краю дивана, комкала одеяло, тревожно прислушивалась.

– Ох, Лида, как же ты вовремя! Страшно неудобно, что я даже выйти к ним не могу, узнать, куда повезут. И бедняжка Славик так сильно плакал.

– Да что случилось-то?!

– Кажется, сердце у Музы прихватило. Она сама врачей вызвала, а я валяюсь тут кулем и ничем помочь не в силах.

– Ой, мамочка, как же я испугалась, – выдохнула Лида, опускаясь перед диваном на корточки и прижимаясь щекой к материнским распухшим коленям. – Я уже подумала...

– Ну, ясное дело, кто тут у нас слабое звено... Здравствуйте, – обратилась к кому-то мать.

Лида обернулась – в дверях, тяжело переводя дыхание, неловко застыли Марат и Мила. Девушка скрипнула зубами. Мила – ладно, но Вельшину совсем не обязательно находиться здесь и видеть, в какой обстановке она живет. Как же скверно все получилось...

– Я могу помочь? – шагнув вперед, осведомился Марат.

– Ох, молодой человек, если вас не затруднит, помогите мне занять мой трон. – Мама небрежно махнула рукой в сторону инвалидной коляски. – Тогда я еще успею пообщаться с медиками.

Лида протестующе дернулась, но Вельшин стремительно приблизился к дивану без всяких усилий поднял Веру на руки и мигом пересадил в коляску. Красная до слез Лида поспешила отвезти мать в прихожую, где все еще стояла доктор и наблюдала за мучениями санитаров, которые маневрировали с перегруженными носилками по узкой дорожке.

Увезли тетку, незаметно исчезли Мила с Маратом, Вера на кухне разогрела обед и позвала дочь за стол, а Лида все еще пребывала в оцепенении. Она слишком испугалась за мать и теперь немного стыдилась тому облегчению, которое испытала, увидав на носилках нелюбимую тетку. А воспоминания о том, какие лица были у ребят, заставляли морщиться и до хруста сжимать кулаки. Она так надеялась, что убожество ее жизни останется ее личной тайной, и вот...

– Нужно что-то сделать... – достиг сознания тревожный голос матери.

– Что, мамуля? – дернулась Лида. – Ты о чем?

– Ни о чем, а о ком. О несчастном малыше, который мечется по дому. Я не могу его докричаться. Лид, найди хоть ты его и приведи обедать, пока у меня сердце не разорвалось.

Лида вздохнула и поплелась на второй этаж. Заглянула в мансарду – пусто. Прислушалась и уловила жалобные всхлипы из теткиной комнаты.

Постель в центре комнаты выглядела так, словно оказалась в эпицентре взрыва: белье разметано, перекручено, подушки скинуты на пол. Похоже, несчастной и впрямь пришлось несладко. Лида опустила на корточки и заглянула под кровать: там затаился Славик в намокшей от слез футболке. Как волчонок, к которому тянут руки беспощадные охотники, он в бессильном страхе взирал на родственницу и тяжело дышал.

– Слушай, дружок, – начала разъяснительную беседу Лида. – Твоей бабушке придется немного полечиться, но ты не переживай. Ты же не среди чужих людей оказался, не в приюте каком-нибудь. Мы с мамой – твои близкие родственники, если ты вдруг не в курсе. Так что утирай глазки, вылезай оттуда и пойдем обедать.

Славик молчали не шевелился. У Лиды заныли колени, да и терпение было на исходе.

– Ну, ты что, не голодный, что ли? Пойдем, суп очень вкусный, грибной, ты такой и не пробовал.

– А вы? – пискнул мальчик.

– Что я?

– Тоже будете обедать?

– Ну, само собой, – ответила Лида, польщенная тем, что племяннику не безразлично. – Я ужасно голодная.

– Тогда я не пойду, – отрезал мальчик и обхватил для верности ножку кровати.

У Лиды даже слов ответных не нашлось, она молча встала и покинула комнату. На кухне сообщила матери, что Славика придется кормить, как собачонку, ставить ему тарелки под кровать.

– Господи, вот напасть, – вздохнула Вера. – Ну, ничего, это он немного тебя дичится.

– Дичится? – хмыкнула Лида. – Да этот дурацкий детеныш боится меня до смерти! Знакомая ситуация, правда?

– Не говори глупостей, – отмахнулась Вера. – Я что-то не заметила, чтобы твои друзья тряслись от страха. И, Лида, бог ты мой, этот невероятный готический красавец! Пообещай мне хотя бы, что ты не забросишь уроки и сохранишь остатки разума!

– Мама, спокойно, я совершенно в него не влюблена!

– И ты мне говоришь: спокойно? – всплеснула руками Вера. – Теперь я точно знаю, что с моей дочерью не все в порядке! Потому что не влюбиться в такого в принципе невозможно!

– Возможно, мам, возможно, – заверила Лида, краснея. А потом все-таки призналась вполголоса: – Просто у него есть друг, я тебе говорила...

– Еще один подобный экземпляр?.. Невероятно!

– Ну почему подобный? Другой совсем. – Лида попыталась мысленно увидеть Алешино лицо, но почему-то ей вспомнился круглолицый первоклашка с вечно полыхающими щечками. Родители приводили его в школу с аккуратно зачесанными на косой пробор воло-

сами, но уже из раздевалки он выходил, наглухо занавесившись челкой. И как же все изменилось за девять лет!

– Но не хуже, надеюсь?

– Мам, ну что ты, в самом деле! Какая разница – хуже, лучше? Как вообще можно сравнивать?

– Ладно, увижу – заценю, – усмехнулась Вера. – Просто я хочу, чтобы моя дочь ждала от жизни только самого лучшего и не довольствовалась средненьким. Хотя, может, обстоятельства у нас сейчас аховые, но это не имеет значения, ясно?

– Ясно, мам...

Среди ночи Лида проснулась от хриплого, с напрягом дыхания матери и поняла: Вера едва сдерживает стоны. Впопыхах вскочила, не сразу нашла выключатель. Мать лежала на спине, очень бледная, с каплями испарины на лице.

– Мама, что? – ахнула Лида.

– Да ерунда. – Вера попыталась улыбнуться, но улыбка вышла жалкой. – Опять, похоже, погода меняется.

– Я вызываю «скорую»!

– Даже не думай! Не больше одной кареты в день. Продержусь до утра, а там уж звякну Юрию Борисовичу.

Юрий Борисович Ворк, знакомый питерский врач, наблюдал Веру уже много лет. Он часто объявлялся по собственному почину в их прежней квартире на Зеленина. С собой всегда приносил журналы, иногда на иностранных языках, рассказывал Вере о новых методах лечения или, что актуальней, спасения от постоянной изматывающей боли. Некоторые препараты доставал сам и срывался на тонкий негодующий крик, когда ему пытались за них заплатить. Лида подозревала, что щуплый, как мальчик, лысеющий доктор был тайно влюблен в мать, которая все еще была красива, если, конечно, не смотреть ниже шеи. Так что девушка ничуть не удивилась, когда Ворк при полном параде возник ни свет ни заря на пороге их нового дома.

Сама она, выиграв настоящую баталию с матерью, в школу в этот день не пошла. Славику отправили туда на такси, и тот же водитель по договоренности должен был встретить его после занятий. Визит врача Лида пережидала на кухне, металась в тревоге между окном и дверью. Юрий Борисович вышел нескоро, рассеянно сунул под кран руки, забрызгав светло-коричневый, явно выходной костюм. Тусклым голосом сообщил, что Вере теперь станет лучше – он специально подобрал для нее анаболики последнего поколения.

– А что вообще можно сделать? – наливая ему чай, спросила девушка. – Ну, чтобы она не мучилась так сильно? И хоть немножечко могла ходить?

Ворк сгорбил над чашкой, похожий на старого больного хомячка.

– Я давно толкую Вере о новом суставе. Она сможет снова ходить на костылях, а возможно, и без них. Вера говорит, что это неподъемная сумма, а время уходит...

– О какой сумме идет речь? – спросила Лида.

Врач помешкал, пожевал губами и, не решившись озвучить цифру, черкнул ее на блокнотном листе. Лида едва не ахнула – это было слишком много. Но вслух сказала:

– Я постараюсь уговорить маму. Это ведь важнее всего для нас сейчас.

Хотя – на что уговорить?! У них таких денег нет и не предвидится. И единственный разумный вариант – это бросать школу и искать работу. Если повезет, можно обставить все так, что мать ни о чем не догадается.

На следующее утро Вера решительно выпроводила дочь в школу, чему та была в душе очень рада: учиться ей нравилось все же больше, чем готовить и убираться. Вот только спохватилась на пороге:

– Мам, а Славик?

– Он еще не покушал. Отошлю его позднее на такси.

– Тебе правда лучше?

– А что, не заметно? – Вера вскинула подбородок и повела плечами, изображая бьющую ключом энергию. – Таблетки и доброе слово специалиста творят чудеса.

Лида немного успокоилась и поспешила в школу. До звонка оставалось меньше получаса, и по уму следовало нестись на автобусную остановку, но очень уж хотелось пройтись по парку, разогнать мрачные мысли. И девушка сделала выбор не в пользу первого урока – в конце улицы свернула на тропу, ведущую через овраг прямо к парковым воротам.

После ночного ливня в воздухе густо висел туман и небо затянула серая паутина. Но уже то и дело наверху словно приоткрывалась щель в занавеси, и оттуда одним глазком выглядывало яблочко-зеленое, тщательно промытое небо. Было ясно, что день предстоит солнечный и теплый.

В парке листья уже начали опадать, и те, что первыми оказались на земле, выглядели испуганными и жалкими. Лида из сочувствия собирала их в букет, чтобы потом спрятать где-нибудь на подходе к школе.

Дошла до мостика, покидала уткам припасенные куски хлеба и с минуту любовалась, как те вспарывают телами озерную гладь в борьбе за угощение. Она уже собиралась идти дальше, когда, выступив из тумана, высоченная фигура заградила ей путь.

Это был рыжий громила из загадочной тройцы. Лида ойкнула, попятилась. И тут же влетела в объятия восточного вида девушки. Намокшие от тумана колечки волос прилипли к ее лбу, полные губы ласково улыбались.

Лида заметалась взглядом и тут же осознала, что все пути к отступлению отрезаны: впереди – горбоносый викинг, за спиной – девушка, которая отнюдь не выглядит хилой слабачкой, сбоку прислонился спиной к перилам парень, обмотанный шарфом по самые глаза. А вокруг – туман.

– Не бойся, – звонким голосом проговорила девушка. – Мы лишь хотим поговорить с тобой, Лида. Ты не опоздаешь на свои уроки. Мы даже можем подвезти тебя до школы, если захочешь.

– С какой стати, я вас даже не знаю, – поворачиваясь к ней всем корпусом, попробовала возмутиться Лида. Вышло жалко и неубедительно.

– Я – Анна, – касаясь изящным пальцем груди, сообщила девушка. – Позади тебя стоит Лазарь, а тип, что распугал своим видом всех уток, – Валерий. Ну вот, теперь ты нас знаешь.

И торжествующе улыбнулась.

Лида оглянулась: Лазарь смотрел на нее с высоты своего роста добродушно, даже ласково, Валерий мрачно таращился на озеро, и последние утки в панике улепетывали в разные стороны.

– Вы что, следите за мной? – спросила Лида.

– Те, кто следят, обычно не представляются, – заверил ее Лазарь.

– Да что вам от меня нужно-то?! – Голос, сорвавшись в жалкий писк, выдал с головой ее испуг.

– Не бойся, – повторила Анна. – В парке полно людей, их просто не видно в тумане. Ты в полной безопасности. Мы лишь зададим тебе пару вопросов, ладно?

– Даже не собираюсь на них отвечать!

– Ну же, это совсем не трудно, – как ребенка, уговаривала ее девушка. – И для твоей же пользы, поверь. Мы просто спросим тебя кое о чем, ты ответишь, и мы все объясним. Договорились?

– Ладно, – сдалась Лида, которой становилось все любопытнее. Ей никто не угрожал, никуда не заманивал, и она явно стояла на пороге какой-то тайны. Хуже не станет, а вот лучше – как знать?

– Скажи, это на тебя маньяк напал? – спросила Анна.

Слово «маньяк» было произнесено с таким отвращением, что Лида сразу поняла – друзьями умершего эти ребята точно не были.

– Да, – поежилась она.

– И умер на месте?

– Да.

– А ты ему ничем не помогла? – пробасил сверху гигант. – Ну там прием самообороны, убивающий крик или сучок в сонную артерию?

– Вот еще! Конечно нет, – решительно помотала головой Лида.

– Та женщина, что вчера попала в больницу, – твоя родственница? – снова вступила Анна.

– Тетя. А как...

– И она тебя недолюбливает?

– Не то слово. – Лида поморщилась.

– А ты, конечно, желаешь ей загнуться поскорее? – прозвучал в тумане глумливый голос, заставив Лиду вздрогнуть. Это вступил в разговор Валерий.

– погоди, друг, – нахмурился Лазарь. – Лида, скажи, тебе никогда не казалось, что некоторые люди беспричинно тебя избегают... даже боятся?

– Мне это не казалось. От меня в самом деле постоянно шарахаются. Я не знаю...

– А в детстве ты болела? – спросила Анна.

– Некорректный вопрос, королева, – опять встрял Валерий. – Имеется в виду, болела ли ты до такой степени, чтобы врачи советовали твоим родителям готовиться к худшему? Намекали душевно, что они еще молоды и успеют нарожать других детишек?

– Нет...

Лида заметила, как троица обменялась озадаченными взглядами.

– А что насчет катастроф, несчастных случаев, еще каких-то злодейских нападений? – вкрадчивым голосом уточнила Анна.

– А, это да. Когда мне было пять, мы ехали на море и случилось крушение поезда. Моя мама была тяжело ранена, но ей казалось, что со мной все еще хуже, и она тащила меня на руках в ближайшее село. В результате на мне не оказалось ни царапины, а мама... – Лида умолкла, хотя ее никто не перебил.

Кажется, вопросы закончились, повисла тишина, и Лида вдруг заволновалась:

– Ой, только не говорите, что меня укусил вампир, – я с тех пор здорово подросла.

– Веселая девочка, – с небрежным смешком изрек Валерий и вновь стал гонять взором уток.

– И похоже, наша, – подытожил Лазарь.

Лида замерла, не смея дышать. Сейчас наконец все станет ясно! Сейчас они скажут, зачем преследуют ее вот уже несколько дней.

И тут новый голос вмешался в происходящее:

– Эй, уроды, отпрыгнули от нее, живо!

Она вздрогнула, завертела головой: вдоль берега к мосту во весь опор мчался Марат Вельшин.

– Это твой друг? – быстро спросила Анна.

– Одноклассник...

– Уходим! – скомандовал Лазарь.

– Еще увидимся, – проносясь мимо Лиды, улыбнулась ей Анна.

Лида проводила ребят изумленным взглядом.

– Труссы позорные! – проорал им вслед Ворон, но голос его звучал озадаченно.

В самом деле, объяснить такое заполошное бегство было трудно: Лазарь выглядел, словно машина для убийств, от Валерия веяло иезуитской жутью, а Анна... ну, она могла бы одной улыбкой победить с десяток таких Маратов за раз. Их побег изумлял даже больше, чем все, что ему предшествовало.

Лида снова оглянулась. Троица уже перешла на нормальный шаг. Лазарь в центре облапил друзей за плечи огромными ручищами, головы сближены, на ходу что-то горячо обсуждают. На изгибе дорожки, перед тем как кануть в туман, Анна повернула голову, глянула на Лиду до паники знакомыми глазами, улыбнулась... И странная тоска вдруг кольнула сердце: захотелось быть с ними, в их такой сплоченной компании, кем бы они там ни оказались. Лида почти рассердилась на Ворона... да что там, она жутко на него рассердилась.

Марат, тяжело дыша, уже стоял рядом и, словно гончий пес, делал стойку в сторону уходящих. Пробежка заставила его растерять привычный надменный лоск – и это ему пошло на пользу. При утреннем освещении Лида вдруг обратила внимание, как остро выдаются у него скулы, а лицо кажется изможденным, почти больным.

«Неужели мажористые мальчики тоже подвержены анорексии?»

– Догнать их, что ли? – процедил Ворон.

– Не надо!

– А девочка тоже убежала. Жаль, девочку бы я не обидел.

Лида громко хмыкнула. Хотя Анна была очень молода, слово «девочка» с ней как-то не монтировалось. А Марат ухитрился запасть на нее даже в тумане и с расстояния в десятки метров.

– Чего они вообще от тебя хотели?

– Ничего не хотели... скажи лучше, что ты тут делаешь?

– Ну как это? – приосанился Вельшин. – Иду, чтобы встретить и проводить в школу девушку моей мечты. То есть тебя.

– Какой мечты, очнись?! Ты только что запал на первую встречную девицу!

– Ну, это совсем разные вещи, – уклончиво ответил Марат.

– Не поздновато про меня вспомнил? Урок уже десять минут как идет.

– Так сегодня ж нет первого урока. Тебе Журавка что, поведала по телефону?

– Поведала, – вздохнула Лида. – Это я, балда, закрутилась и забыла.

– Ну вот, иду я с запасом, весь в предвкушении...

– Марат, зачем ты это делаешь? – Лида заступила ему дорогу, полная решимости прояснить все до конца.

– Делаю – что? Не понимаю...

– Разумеешь. Зачем второй день таскаешься за мной? Я ведь тебе совсем не нравлюсь и наверняка ужасно раздражаю.

– Не нужно за меня решать, – оставляя дурашливый тон, отчеканил Марат. – И это совсем не так. Не раздражаешь больше.

– О, чудесно, хотя бы уже не раздражаю. Но это ведь не повод встречать меня и провожать. Значит, я делаю вывод, что тебя все-таки об этом попросили. И мы оба знаем, кто именно. И вот теперь я тебе говорю: не нужно, все уже прояснилось, моей жизни ничто не угрожает! Дай мне спокойно жить... и главное, дружить. Уловил намек?

– Тут я чем тебе мешаю?

– Дружить с Милой Журавкой, – выразительно произнесла Лида. – Пожалуйста, не создавай мне проблем, у меня никогда прежде не было настоящей подруги.

– Дружи на здоровье, – разрешил ей Марат. – Журавка – потрясающая девчонка, если не разлюбит меня лет этак через десять – обязательно на ней женюсь.

– Спорим, что раньше женишься? – хихикнула Лида. – А пока просто перестань за мной таскаться, хорошо?

– Перестану, когда сам решу. Так что не трать время на уговоры.

– Ты издеваешься, что ли? – взорвалась девушка. – Тебя ж открытым текстом просят отвалить! Где, вообще, твоя гордость?

– А кто сказал, что она у меня была? – Вельшин недоуменно развел руками.

– Да пошел ты! – Лида бросилась бежать по каменистой парковой дорожке.

Пробежала вдоль озера, на повороте чуть скосила глаза – Марат со злым лицом широко шагал в десятке метров позади нее. Отстал он только на входе в школьный двор.

Глава 6. Как ты относишься к вечной жизни?

Мила Журавка была в тот день печальна и тиха. Лида то и дело поглядывала на нее, переживала, почти не слушала учителей. И больше всего боялась, что подруга все же приревновала ее к Ворону. От него необходимо было отвязаться раз и навсегда, и как можно скорее!

Пока что придумалось только одно: смыться с двух последних уроков физкультуры. Причем сделать это незаметно, чтобы не увязался Вельшин. Предупредила Лида только Милу:

– Уйду с физры, надо тетку в больнице навестить.

– Хочешь, я пойду с тобой? – тут же предложила Журавка. – Я отпрошусь, скажу, плохо себя чувствую, меня отпустят.

– Не нужно, – вздохнула Лида. – Свидание с теткой резко портит мой характер. Не стоит тебе видеть меня в таком состоянии.

После пятого урока она заметила, что Ворон внимательно и неустанно за ней наблюдает, так и косит глазищами в ее сторону. И потому была настороже: безмятежно болтая с Милой, дошла до спортивной раздевалки девочек, выждала там пару минут. И только после этого, торопливо попрощавшись, пронеслась через зал – и была такова.

На пороге школы огляделась тревожно, ожидая любого сюрприза: и присутствия поблизости загадочной троицы, и того, что в школьном дворе снова объявился Алексей. Никого не обнаружила, разочарованно вздохнула и побрела в сторону магазина – закупать по списку все, что тетка по телефону умирающим голосом надиктовала вчера матери. Список был обширный.

В больницу девушка притащилась, шумно отдуваясь под грузом двух неподъемных пакетов. Медсестра в отделении кардиологии, услышав фамилию тетки, окаменела лицом и, попросив обождать, унеслась куда-то, дробно стуча каблучками. У Лиды даже разболелся от волнения живот: вдруг тетке совсем плохо, вдруг она умирает? Как сказать об этом маме? Как жить с чувством вины, если все закончится ужасно? Ведь она, прямо сказать, сыграла не последнюю роль в доведении тетки до больничной койки...

И тут к ней приблизился высокий старик в белом халате, с морщинистым и желчным лицом. Глянул лютым взглядом из-под дряблых век.

– Муза Львовна отдыхает после сложной процедуры. Передачу можете оставить на вахте.

Лида едва удержалась от счастливой улыбки, но спохватилась и спросила с надлежавшей тревогой в голосе:

– Доктор, ну как она вообще?

– Восстанавливается понемногу, нашими стараниями. Параллельно с ней работает психолог. Беречь потому что надо родного человека, – врач выстрелил в нее осуждающим взглядом и заспешил дальше по коридору.

– Мы тетю очень бережем, – заверила Лида его тощую спину.

Медсестра хихикнула, принимая баулы:

– Твоя тетечка – это нечто. Девочка, которая дежурила на отделении ночью, к утру едва не уволилась. Нам теперь всем нужен психолог! Так что не бери в голову.

– Я и не беру. Спасибо!

И Лида в спешке покинула отделение, а то вдруг тетка передумает и захочет все же ее повидать?

В гулком больничном холле она обессиленно опустилась на кушетку и принялась медленно стягивать с ног бахилы. Ладно, допустим, тетка выживет, но что делать с мамой? Каза-

лось ужасно несправедливым, что нельзя помочь ей просто из-за тупого отсутствия денег. Какого-нибудь мерзавца лучшие врачи мира поставят на ноги, потому что он богат, а ее мама, такая добрая, такая стойкая... Злые слезы бесконтрольно вскипели на глазах.

– Не плачь, – прозвучал над головой чуточку гортанный голос, теплая рука нежно коснулась щеки. – С твоей тетушкой все будет в порядке. Она не умрет.

Лида вскинула голову и с удивлением, но без всякого страха посмотрела в лицо склонившейся над ней Анны.

– Я не из-за тетки. Из-за мамы.

– Тем более не надо. Мы тебе поможем.

Лида вытерла кулаками глаза и окинула девушку заинтересованным взглядом. Анна смахивала на больничного ангела: серебристый легкий плащ струился до пола, пушистые косы обвивали голову, темные, чуть навывкате глаза глядели сострадающе, пухлые губы едва тронула улыбка. И вдруг... все встало на свои места!

– Неизвестная!

– Я ведь уже представлялась... сегодня, в парке? – Легкий смешок указал на то, что Анна ее поняла.

– Нет, я помню, конечно, просто вы так похожи на «Неизвестную» Крамского! Это моя любимая картина, всегда у меня над кроватью висит... ну, то есть, репродукция, конечно.

Лида смешалась и отвела взгляд.

– Приятно встретить такую юную ценительницу прекрасного. – Анна шутливо склонила голову. – В последнее время я все реже слышу подобные комплименты. И лучше называй меня на «ты», мне всего восемнадцать.

– Правда? Ой, простите... прости!

– Знаю, что выгляжу чуточку старше. – Снова веселый смех. – Но, поверь, совершенно не комплекую по этому поводу.

Девушки помолчали немного, разглядывая друг друга, а потом Анна предложила:

– Так что, поговорим?

– Наверно, да. А где эти... Лазарь с Валерием?

– О, за них не волнуйся, парни прекрасно проводят время в своем любимом боулинге. Мы решили, что будет лучше поговорить нам наедине... как двум девочкам. – Анна хихикнула. – Они думают, что ты их боишься.

– Да я вас всех боюсь, – честно призналась Лида. – Вы же не просто так меня преследуете?

– Тогда прогуляемся?

– Давайте... давай.

Вышли в больничный дворик, уютный, тихий, с пожухлыми клумбами. На скамейках общались пациенты и посетители, курили санитары с измученными лицами, сражались за крошки голуби. Анна отчего-то молчала, нервно терзала пальцами тугой локон у левого уха. Потом выдохнула:

– Ух, даже не знаю, как и начать-то. Сколько живу, а таких разговоров вести не приходилось. Только не надо сразу орать и убегать, ладно?

– Анна, у меня сейчас сердечный приступ случится! – взмолилась Лида.

– Не случится, гарантирую, – бледно улыбнулась Анна. – В общем, скажи, как ты относишься к вечной жизни?

Лида недоуменно передернула плечами:

– Никак не отношусь.

– Хотела бы жить вечно?

– Не особо. Мне и с одной-то жизнью не разобраться!

– Кто бы сомневался, – вздохнула девушка. – А придется. Я имею в виду, придется вечно жить.

У Лиды пересохло в горле и заledenели ладони. Взгляд сам по себе метнулся в сторону плечистых санитаров. Убегать она не станет, а вот насчет орать...

– Планируешь сдать меня медикам? – легко угадала Анна. – Не стоит.

– Нет, но я... я, может, не совсем правильно тебя поняла. – Лида словно по минному полю ступала.

– Ты все верно поняла, только пока не можешь поверить. Это трудно, знаю. Но это правда, Лида. Вспомни наш разговор в парке, вопросы, которые мы тебе задавали. Ты сама рассказала историю с поездом. Твоя мама не ошиблась, ты в самом деле была на волоске от смерти. А потом она кое-кого встретила... старую женщину... и та дама совсем не походила на врача-реаниматолога. Расспроси мать, она наверняка подтвердит...

– Не нужно, – прохрипела Лида. – Именно так она и рассказывала. Только я думала, ей все это причудилось из-за травмы.

Анна тихонько погладила ее по плечу:

– Ничего ей не причудилось. С нами со всеми так было.

– С вами?

– Со мной, Лазарем и Валерием. И с другими, конечно, – нас в мире довольно много... накопилось за века.

– Кто вы? – замирая, спросила девушка.

– Вечники. Мы, Лида, не «вы». Ты такая же, как мы... В общем, это всегда происходит по одному сценарию. Безнадёжная болезнь или травма, обезумевшая от горя мать или еще кто-то близкий, ночь, старуха, спешащая мимо. Тринадцатая луна на небе. Знаешь, что это такое?

– Что-то слышала... два полнолуния в один месяц, случается раз в несколько лет. Ее еще называют голубой.

– Да, верно, – тихо отозвалась Анна. – И если проситель оказывается очень настойчив – что ж, тогда в мире прибавляется еще одна неприкаянная душа, обреченная на вечные скитания.

– Анна, – проникновенно произнесла Лида, – ну что ты такое говоришь? Какие мы вечники, если можем умереть в одну секунду от несчастного случая, от руки убийцы...

– Не можем, – качнула головой девушка. – Это совершенно исключено. Вспомни своего маньяка.

Подсказка пришлась впору. Да, в этом точно была какая-то логика.

– Но ведь я могу убить себя сама! Могу броситься вон под ту машину «скорой помощи», к примеру!

– Не советую. Загубишь тех, кто в ней, а сама останешься невредимой. Ох, Лида, если бы ты знала, сколько сил уходит на то, чтобы никого не убить и не покалечить в течение одного только дня, – сокрушенно вздохнула Анна. – Если, конечно, тебе не доставляет удовольствия этим заниматься.

– А что, есть такие, кому доставляет?

– Увы. Уродов полно. Но не бойся, наша компания не такая. Мы всегда настороже.

– А почему в парке вы бросились бежать? – вспомнила Лида.

– Да все потому же. Чтобы твой одноклассник не превратился в инвалида. А это непременно случилось бы, попробуй он нас атаковать. У нас мощная защита, Лида. Твоя тетка находится сейчас на лечении только потому, что ты ей не по душе.

– Ей плохо, потому что я желала ей зла? – всполошилась Лида, вспомнив все свои убийственные мысли в теткин адрес.

Анна весело рассмеялась:

– От твоих пожеланий никто даже не чихнет, уверяю. Проблемы начинаются у тех, кто хочет зла тебе. Ну, по крайней мере, тетушка не желала тебя угробить, иначе медицина оказалась бы бессильна. А маньяк хотел. Впрочем, большинство людей испытывают такой ужас в нашем присутствии, что даже не смеют замышлять недоброе.

– Анна, – жалобным голосом произнесла Лида, – признайся: ты разыгрываешь меня? Это ведь не может быть правдой?

– Ох как сложно. – Анна рухнула на ближайшую пустую скамейку и картинно обхватила голову руками. – Даже не ожидала, что так будет. Нам-то никто ничего не разжевывал. Доходили до всего на личном опыте.

– Это как?

– А так, что доживаешь до восемнадцати и перестаешь меняться. Ну, там глазки умнеют, можно выглядеть на двадцать пять, но это – предел. Между прочим, в прежние века это было очень большой проблемой. А ты живешь год за годом, столетие за столетием, мучительно не понимая, что с тобой происходит, человек ты вообще или нет. И очень повезет, если случайно повстречаешь себе подобного и получишь хоть какие-то ответы. Тебе вот повезло.

– Ага, точно. Потрясающе. И что мне с этим теперь делать?

– Попытаться переварить. Успокоиться. Да, и можешь для начала познакомить меня с твоим кавалером.

– С кем?! – так и подпрыгнула на месте Лида. – С каким еще кавалером?!

– Который сейчас прячется за кустами. А прежде рвался спасать тебя в парке. Судя по его настойчивости, нам просто необходимо с ним подружиться. Во избежание несчастного случая.

Лида метнула безумный взгляд в указанном направлении.

Марат, собственно, и не прятался вовсе: стоял, картинно поставив ногу на отполированный временем пень и сложив руки на груди. Девушка вяло махнула ему ладонью.

Вельшин с готовностью приблизился, выразительно улыбнулся Анне и недобро покоился на Лиду.

– Что? – вспыхнула она. – Мне тетю нельзя проведать? Как ты вообще тут оказался?

– В спортивном зале есть окна, знаешь ли, – почти не разжимая губ, сообщил Ворон.

– Лидуся, может, ты нас познакомишь, да я побегу? – прошебетала Анна, лучась улыбкой. Сейчас ей и в самом деле невозможно было дать больше восемнадцати.

– Это Анна, – вяло проговорила Лида. – А это Марат Вельнин, мы учимся в одном классе.

– О, вот сюрприз, никогда бы не приняла вас за школьника, – пропела Анна, протягивая тонкую руку, которую Вельнин принял с замашками опытного ловеласа. – Ужасно рада познакомиться. Возможно, мы еще встретимся... Марат. А пока до свидания вам обоим!

И заскользила прочь по дорожке. Ворон очумело таращился ей вслед. Лиде даже пришлось постучать пальцем по его плечу, чтобы вернуть к себе внимание.

– Ну, ты понял, теперь все разъяснилось, – громко объявила она. – Никто за мной не следил. Просто с Анной я была знакома в детстве, жили в одном дворе. Она немного старше, поэтому запомнила меня, а я вот не сразу ее узнала. Теперь снова будем общаться. И больше не надо меня охранять.

– Рад, что все прояснилось, – церемонно произнес Ворон. – Значит, теперь я могу просто бегать за тобой без всяких домыслов с твоей стороны?

– О нет, только не это! А мое мнение никак не учитывается?

– Боюсь, Весна, в данном вопросе вес имеет только мое мнение.

– Слушай, а ты меня не боишься? – обозлившись на такую бесцеремонность, Лида решила на крайние меры.

– Что-о?!

Кажется, ей удалось настолько поразить Ворона, что тот даже оторвал взгляд от серебристого силуэта в конце дорожки.

– Ну, не чувствуешь дискомфорта в моем обществе? Чувство тревоги не одолевает?

Секунд десять Вельшин разглядывал ее даже с уважением. Потом хмыкнул:

– Хорошая попытка, Весна. Почти зачет. Но только мимо. Я вообще мало чего боюсь в этой жизни.

Лида громко застонала, и Марат даже счел нужным ее утешить. В своем стиле, конечно.

– Да ладно, забей, мне вообще девчонки быстро надоедают. Скоро переключусь на кого-нибудь еще. А пока пошли, провожу тебя до дома.

– Ладно, спасибо, что хоть обнадежил. Пошли.

Глава 7. Безумец

Они покинули территорию больницы и через четверть часа вошли в лесопарк. Каменистые тропы почти полностью покрылись опавшими листьями и сделались скользкими, как лед. Марат властно подсунул руку Лиды себе под локоть, а девушка даже не стала протестовать – так была погружена в свои мысли.

«Неужели это все правда? Листья опали и умерли, а я никогда не умру? Да разве такое возможно? Разве можно хоть на секунду поверить, что все, кого я знаю, начнут стареть и умирать, а я останусь такой, как сейчас? Нет, немыслимо, невозможно!»

– Эй, ты чего? – Марат больно сжал ее руку.

– Чего?

– Головой трясешь и стонешь на весь лес. До такой степени не нравится моя компания?

– Только о своей персоне и думаешь, – сердито обронила Лида. – Может, я вообще со странностями? Имею право.

– Да не вопрос. На здоровье. Но теперь я хоть понимаю, почему от тебя кто-то там в ужасе шарахался.

– Я такого не говорила.

– Не ты. Лешка рассказал.

Мгновенно ноги сделались ватными, сбилось дыхание. Парадоксы вечной жизни отступили в сторону.

– Что он тебе говорил? – Она сама не узнала свой голос.

По молчанию Вельшина можно было сообразить, что ему не хочется развивать тему и он жалеет о собственных словах. Пришлось ущипнуть его за руку, чтобы услышать ответ.

– Ну, рассказывал, как в первом классе мечтал с тобой затусить. Но ты ни с кем не шла на контакт. Странновато для первоклашки, да? Он говорил, другие ребята сторонились тебя, но только потому, что ты была вся такая из себя загадочная.

– И больше ничего не говорил? – Лиде страстно хотелось услышать хоть что-то еще.

– Нет вроде... А, когда его перевели в другую школу, он просил родителей отвезить его к прежней к концу занятий. На тебя позырить чтоб.

– И возили его?

– Ну, может, пару раз. Я не вдавался. Его спроси, если интересно.

– А когда стал старше, что же сам не приехал? – больше себя, чем Ворона, спросила Лида. – Я в той школе еще девять лет проучилась.

– Так перегорел, наверно, – с явной насмешкой изрек Марат. – Другие девчонки появились. Сами стали на него кидаться, я свидетель.

Лида примолкла, стараясь справиться со жгучим разочарованием. Нужно было срочно менять тему, и она спросила:

– Ты вообще куда меня завел? Этой дороги я не знаю.

– Самый короткий путь до твоего дома, между прочим, – хмыкнул Вельшин, а Лида содрогнулась от жутких воспоминаний. – Сейчас через поле выйдем к железной дороге. А ты, может, хотела еще погулять?

– Ну уж нет, спасибо, нагулялась. Домой!

Когда вышли на открытое пространство, слева от дороги показались развалины какого-то древнего строения, сложенного из золотистого камня. Марат повел ее через уцелевшую арку, наверно, собирался показать местную достопримечательность. Как будто Лиде сейчас было до этого дело! Из вежливости она промолчала, но вскрикнула от неожиданности, когда от остова стены беззвучно отделился мужчина в лохмотьях и преградил им путь.

Он был страшно худ, изможден, глубоко сидящие, словно вдавленные в череп глаза полыхали темной яростью. Марат немедленно шагнул вперед, оставляя девушку за спиной. Теперь Лида могла рассматривать бомжа из-за его плеча.

«Мне абсолютно нечего бояться, – словно шепнул ей в ухо какой-то новый самоуверенный голос. – Анна мне все объяснила. Пусть этот псих меня боится».

– А вот я тебя и поймал, – медленно протянул мужчина хриплым, словно заржавевшим от сырости голосом. – Теперь не выкрутишься. Что за мерзость на тебе надета?

Он ткнул грязным пальцем в грудь Марата. Тот не двинулся с места, лишь тяжело перевел дыхание.

– Слушайте, что вам надо? – вылезла на первый план новая бесстрашная Лида. – Уйдите с нашей дороги! Немедленно!

Мужчина лишь скользнул по ней взглядом, полным отвращения.

– Молчи, двуногое говорящее животное, – брезгливо обронил он. – Господь создал тебя не для того, чтоб ты своим смрадом отравляла все вокруг. Убирайся прочь. А вот с тобой я сегодня поговорю по-настоящему, – посулил он Марату. – Марш домой, живо! Сожги эти содомские одежды и жди моего возвращения. И не смей даже разговаривать с остальными, пока я не очищу тебя от этой мерзости.

Лида мало что понимала в происходящем, но чувствовала, как нарастает в душе страстное желание сделать так, чтобы мерзкий бомж заткнулся. Это же так просто. Всего лишь переключить на себя его гнев. И если Анна сказала правду...

– Хватит, замолчите! – возвысила она голос.

И тут Ворон словно пришел в себя. Обернулся к ней, бледный, с испариной на лбу, произнес скороговоркой:

– Иди домой, Лида. Перейдешь мост и по дорожке дуй к выходу из парка, не заблудишься.

– Не пойду без тебя!

– Нет, иди. Ну, пожалуйста! – Он слегка подтолкнул ее плечом.

И одновременно что-то вложил в руку, жесткое, прохладное на ощупь. Лида автоматически зажала неизвестный предмет в кулаке, совершенно не собираясь никуда уходить. Она жаждала расправы. Ей удалось поймать и сфокусировать на себе чужой яростный взгляд...

Человек вдруг тяжело задышал и потер руками грудь. Потом рухнул на четвереньки и стал похож на огромное раздавленное насекомое. Марат буквально вытолкнул Лиду из развалин:

– Иди! – И повернулся к мерзкому типу. – Что с тобой, отец?

«Отец?!» – девушка тихо ахнула. Этого просто не могло быть. А куда, позвольте, подевался надменный бизнесмен, воспитавший сынка-мажора себе под стать? Разом осознав весь ужас ситуации, она, не оглядываясь, ринулась прочь.

Лида остановилась уже за мостом, тяжело дыша. На развалины она не смела даже оглянуться. Кровь гулко пульсировала в висках, что-то тяжело шевелилось в груди, подпирало к горлу.

Вдруг она осознала, что только что сознательно планировала убить человека. Только за то, что он был ей противен и говорил мерзкие слова. Была к этому готова, зная, что заведомо останется вне всяких подозрений. Немыслимо – она ведь прежде не была жестокой. Злилась, конечно, часто, раздражалась по пустякам, но точно никому не желала смерти. Что же с ней случилось после разговора с Анной?

Сильная вибрация в правой руке заставила Лиду подпрыгнуть на месте и в недоумении уставиться на чужой мобильный телефон. Он мерно жужжал, на табло высветилась надпись: «Леха».

Лида вороватым движением нажала кнопку сброса. Теперь стало трудно дышать совсем по другому поводу. Через пару мгновений телефон зазвонил вновь.

– Алло, – замогильным шепотом ответила девушка.

– Что за чертовщина? – спросил в трубке такой знакомый голос. – Кто это? – И еще через секунду. – Лида, ты?

– Я, – кратко призналась она.

– Ну, привет. А Ворон где? В озере, что ли, купается?

– Нет.

– Можешь дать ему трубку?

– Не могу.

– Что-то случилось? – Кажется, Санин всерьез заволновался. – Ты можешь объяснить нормально?

– Могу, – согласилась Лида. – Марат провожал меня домой. А потом появился какой-то отморозок, вроде как его отец, и начал на нас орать. Марат успел сунуть мне телефон. Я не знаю зачем.

– Так, ты где сейчас? – Голос в трубке сделался жестким и сосредоточенным.

– Не могу точно сказать. Здесь какие-то развалины, деревянный мостик, а под ним маленький водопад.

– Я понял. Можешь подождать меня там? Я буду минут через десять максимум.

– Подожду, ладно.

Десяти минут едва хватило, чтобы взять себя в руки. Лида укрепила среди веток развесистого дуба небольшое зеркальце, заново собрала растрепавшиеся волосы в хвост и постаралась согнать с лица испуганное выражение. Отыскала возле моста ветхую скамейку села на нее и устала на воду строго-настрога запретив себе тарачиться в нетерпении по сторонам.

Алеша возник бесшумно, оседлал край скамьи. И мягко спросил:

– Испугалась, да?

– Да не то чтобы... жалею, что не вызвала сразу полицию. – На самом деле она жалела совсем о другом. – Это же просто зверь какой-то... ничего человеческого. А Марат с ним остался...

Чужой телефон Лида все еще сжимала в руке, и Алеша осторожно, не коснувшись ее ладони, забрал его и спрятал в карман.

– Не дергайся так из-за этого. Тот тип действительно его отец.

– И что с того, что отец? Такой и убить может. Вот куда он утащил Марата?

Алексей сгорбился на своем конце скамейки с крайне удрученным видом. Потом спросил:

– Слыхала о сектантах?

– Ну, приходилось, конечно.

– Так вот, у нас тут в городской черте на острове обосновалась одна такая секта. Давно уже, лет десять назад. Разогнать их нельзя, они получили официальную регистрацию и все такое. Конечно, по закону они должны отправлять детей в школу. У нас сейчас таких учится человек пять, ты потом их заметишь: ходят в тряпье и не смеют глаз от пола поднять. Их в нашей столовке бесплатно кормят, потому что родителям работать вера запрещает.

– Но Марат ведь нормально выглядит, – перебила Лида. – А одевается просто суперски. Я, вообще, думала, что он из богатой семьи.

– Когда мы с ним подружились в пятом классе, он был точно таким, как другие бедолаги с острова. А насчет одежды – ну, моей матери иногда удается что-то презентовать ему на день рождения или на Новый год. Ворон чертовски гордый, но маму он обожает, на все согласен,

лишь бы ее не огорчить. Вот только когда его папаша находит эти вещи, то рвет на кусочки и торжественно сжигает. А телефоны вообще крушит камнями.

– Да зачем же?

– Вера у них, видишь ли, такая: отказ от всех благ цивилизации. Едят только то, что сами вырастили, ходят в обносках. Просят милостыню на улицах и все отдают своему лидеру. А он хорошо устроился, сволочь! – сердито вскричал Санин.

– Но как Марат это терпит? – Лида едва не рыдала от сочувствия. – Он ведь почти взрослый, мог бы и сам прожить. Все лучше, чем среди таких уродов.

Алеша еще больше сгорбился, сжал кулаки:

– Да не может он уйти! У них, понимаешь, установка, что вся семья вроде как единый организм. То есть, если один согрешит, то отвечать должны все, даже новорожденные. Круговая порука. А у Ворона мать и двое младших. Отец их всех замордует, если Марат сбежит с острова. Им и так за него достается. Особенно сейчас, когда Ворон пошел в десятый. Обычно дети с острова только до девятого кое-как дотянут, а дальше экзамены просто не сдают.

– А как тогда его пустили в десятый?

– Директор школы лично в секту ходил и для внушительности кого-то из администрации города с собой таскал. Маратик ведь учится сказочно, на медаль идет. Ну, главари, то есть старейшины, согласились в порядке исключения дать ему доучиться, не ради Марата, конечно, а чтоб с городскими властями не собачиться. И теперь его отец злобствует вдвойне.

– И что же делать? – Лиду так и трясло от желания бежать и спасать.

– А что тут можно сделать?

«О, многое! Ты даже не представляешь, что могу в этой ситуации сделать я. Жаль, упустила момент. Нужно было его хотя бы хорошенько проучить».

Она больше не испытывала раскаяния из-за своего срыва, наоборот, жгучее сожаление об упущенной возможности.

– Марат придет завтра в школу?

– Вряд ли, – убитым голосом отозвался Алеша.

– Почему?

– А самой не догадаться? Выдерет его отец, вот почему! А потом запрет на сутки без еды.

Тут уж Лида не выдержала, вскочила на ноги и завопила на весь парк:

– И ты, его друг, так спокойно об этом говоришь?! Нужно что-то делать! Нужно бежать туда!

– Куда бежать-то? На остров не попасть. А даже если попадем, только хуже выйдет. Пойми, Марат там находится по собственной воле! Сбежит – всей семье не поздоровится.

– А если и других забрать? Могли бы снять квартиру, его мама нашла бы работу...

– Да не станет она работать, поверь мне. И с острова никуда не уйдет. Мать Вельшина – убежденная сектантка. Из всей семьи только Ворон плюет на эти игры.

У Лиды разом кончился запал, и она рухнула обратно на скамейку. В воцарившейся тишине стало слышно, как тихонько срываются с веток отжившие свое листья. И сонный шепот воды под мостом. И неровное дыхание Алеша. Он по-прежнему сидел на самом краю скамьи, смотрел в сторону, как будто ему не терпелось сорваться и уйти прочь.

– Скажи, а Марат бы огорчился, если бы его отец вдруг взял и умер? – спросила девушка.

– Что? – Алеша вздрогнул и сфокусировал на ней взгляд. – Ты что задумала, Лид?

– Да просто спрашиваю, интересно. Можно ли вообще любить таких родителей?

– Откуда мне знать? – после паузы ответил парень. – Этого, наверно, и сам Ворон не знает. А я его точно спрашивать не стану. Да, и вот еще: ты ведь понимаешь, что говорить об этом в школе никому не стоит, да?

– Да уж не совсем идиотка!
– Не обижайся. – Алеша вытянул руку и легонько коснулся кончиками пальцев ее плеча. – Просто даже Миле Журавке... особенно ей...

– А разве она не знает?

– Откуда? В классе, надеюсь, никто не в курсе, что Ворон связан с этой поганой сектой. И нужно, чтобы так все и оставалось.

– Ясно. Да, и скажи своему другу, что больше провожать меня не нужно. Это ведь ты его попросил, верно? Так вот, я все выяснила насчет тех людей.

– Интересно, что именно? – оживился Алексей.

– Ну, девушку я знала в детстве, мы были подружками во дворе, – скучным голосом завела прежнее вранье Лида. – Просто она старше, и я ее не сразу узнала. Теперь снова будем общаться. А парни, так это ее брат и бойфренд.

Санин покосился на нее скептически, кажется, не особо поверил.

– А что насчет того разговора?

– А, ерунда, просто парни помешаны на всяких квестах и ролевых играх. Идиоты перерзлые, – очень правдоподобно вздохнула Лида. – Скажешь Марату?

– Все не так просто, – задумчиво произнес Алеша. – Во-первых, я Вельшина ни о чем не просил. Просто рассказал ему, какие странные дела творятся вокруг новенькой, то есть тебя. И возможно, провожает он тебя совсем по другим причинам. Догадываешься, по каким?

– Но мне это не нужно! – разволновалась Лида. – Из-за Милы... и вообще.

– Понимаю. Только после сегодняшнего вообще все осложнилось. Может, Ворон и смотреть в твою сторону больше не станет. А если станет... ну, не знаю, нельзя его сейчас взять и отшить. Он подумает, что ты вроде как брезгуешь им.

Тут Лида снова вскочила на ноги:

– Да нет же! Как такое... я просто из-за Милы переживаю.

– Вот и разбирайся с ним сама, ладно? – неожиданно прохладным голосом оборвал ее Алексей. – Я, конечно, Ворону друг, но в его личные дела не суюсь. Как и он в мои. А сейчас могу проводить тебя до дома. Или это тебе тоже не нужно?

Лида почувствовала себя загнанной в ловушку. Ей нужно, еще как! Но сказать об этом никак невозможно, и она лишь постаралась как можно равнодушной пожать плечами.

– Как знаешь...

Алеша встал, потянулся и посмотрел на речку. Покачался задумчиво с носка на пятку. Потом вдруг снова плюхнулся на скамью и достал телефон, на этот раз свой, со словами:

– Прости, Лид, совсем забыл про одно важное дело. Вот же вылетело из головы. Да тут, вообще говоря, и провожать нечего, сразу за тем поворотом – выход из парка. Перейдешь дорогу и через пять минут будешь дома. Сориентируешься сама?

– Да конечно! Не вопрос. Ну, пока! – И Лида помчалась по дорожке, едва не воя в голос от унижения. Мысленно она клялась себе, что больше даже не взглянет на парня, когда-то спасшего ее от первой в жизни двойки.

Путь до дома занял куда больше времени, чем обещал Алексей. Обиженная, сбита с толку, Лида, казалось, могла бы заблудиться и на абсолютно прямом отрезке пути. Она тыкалась в переулки, забредала в тупики и на дом свой вышла совершенно случайно. Ворвавшись в калитку, она быстро зашагала к двери, надеясь за привычными домашними делами забыть о потрясениях этого дня.

Дом встретил подозрительной тишиной. На кухне в миске печально плавала морковка, валялась на столе очищенная и уже потемневшая картофелина. И немедленно страх за мать смел все прочие огорчения. Лида бросилась в комнату.

Комната с занавешенными окнами тонула во мраке. Лишь древний торшер с ободранной бахромой слабо светился в углу.

Мать лежала лицом к стене, но заворочалась, услышав шаги дочери. По отечной бледности ее лица Лида поняла – дело худо.

– Мамуля, что?.. – ахнула она, приседая на корточки рядом с диваном.

Вера в спешном порядке отвоевывала у слабости позицию за позицией: она подсунула под спину подушку и растянула в улыбке бледные губы.

– Да ерунда, не дергайся. Застудилась на сквозняке, похоже, ко всем прочим радостям. Вот, взялась борщ варить, но пришлось срочно принимать горизонтальное положение.

– Я сейчас все сделаю.

– Спасибо, Лидуша. А что там наша тетя, не собирается вернуться на вахту?

– Тетка дезертировала. Меня к ней даже не пустили, по ее, кстати, просьбе. А врач смотрел на меня, как на убийцу.

– Да, не ждала я, что Муза сломается, – посетовала, комкая край одеяла, Вера. – Всегда была крепкой, как броненосец. Ладно, Лид, ты быстренько овощи в воду побросай и садись за уроки. А я попозже встану, жаркое сделаю и компот сварю.

– Лежи уж, сама управлюсь. – Лида рванула на кухню, пока мать не успела угадать по ее лицу, как она расстроена и напугана новым ухудшением.

Она уже дочистила картошку и разморозила в микроволновке мясо, как раздался требовательный звонок. Лида промчалась через двор, распахнула калитку и обнаружила за ней Анну. Девушка улыбалась и одновременно пытливо изучала Лидино лицо.

– Ничего, что без приглашения? Нужно поговорить.

– Конечно, проходите... то есть входи. – Лида ошалело попятилась в глубь двора. Она не ждала так быстро увидеть Анну вновь. Думала, у нее будет время, чтобы все взвесить, сочинить умные вопросы. Принять жутковатую правду о себе или же убедиться, что ее ловко дурачат.

Анна, похоже, церемониться не привыкла. Скинув на пороге плащ и туфли, она тут же прошла на кухню и с изумлением воззрилась на царящий там бардак. Готовка никогда не была Лидиной сильной стороной. Боясь что-то забыть и упустить, она заранее разложила на обеденном и хозяйственном столах все, что могло пригодиться для борща и жаркого. Места не хватило, пришлось задействовать и табуретки. Теперь она спешно пыталась освободить хоть одну, чтобы предложить ее госте.

– Ты сегодня на хозяйстве? – бодро уточнила Анна. – Отлично, я помогу, обожаю готовить. А с мамой познакомишь?

– С мамой? – заколебалась Лида. – Ну, да, наверно. Если только она не спит, а то ей что-то нездоровится.

– О! – Подвижное выразительное лицо Анны огорченно вытянулось.

– Ну, честно говоря, она почти всегда теперь неважно себя чувствует, – выплеснула Лида то, о чем думала непрерывно, пока возилась с овощами.

– Лидок, кто там?! – долетел до них чуть взволнованный голос Веры. Прежняя жизнь не приучила мать и дочь к частым визитам.

– Пойдем, – вздохнула Лида. – И имей в виду – она тоже фанатка художников-передвижников.

Они вошли в комнату. Вера за это время сумела собраться с силами и сесть на своем ложе почти ровно, спустив искореженные ноги на коврик и задрапировав их покрывалом.

– Мам, знакомься, это моя новая подруга. Мы познакомились в парке. Анна занимается бегом, там у них целая группа энтузиастов. Вот, зовет присоединиться, – на одном дыхании выдала Лида.

– Обязательно сходи, – горячо поддержала Вера, впиваясь глазами в лицо Анны. – Когда такой отличный парк под боком, грех им не пользоваться. Рада познакомиться с вами, Анна. Если нужна какая-то особая экипировка, то скажите, мы все приобретем.

– Я тоже очень рада знакомству, Вера Львовна, – ласково произнесла Анна. – Лида много мне о вас рассказывала. Она очень вас любит.

Верины щеки слегка порозовели от удовольствия. А потом она все-таки не удержалась:

– Анечка, ваше лицо... это просто чудо какое-то. Но вам, конечно, не раз и не сто раз говорили то, что я намереваюсь сказать?

– Увы, в последнее время все реже, – шутливо насупилась Анна. – Зато сразу можно узнать культурного человека.

– А вы, часом, не родственница... нет сведений на этот счет?

– Да что вы, Вера Львовна, увы! Все мои дореволюционные родственники обретались в глухих деревнях, до Петербурга никто не добрался.

Лида не удержалась – хихикнула, прикинувшись, будто кашляет. Меньше всего Анна походила на деревенскую жительницу.

– Да уж, чудеса, – открыто любовалась гостьей Вера. – Вот так, не вставая с постели, словно в Третьяковке побывала. Вы ведь пообедаете с нами?

– Обязательно, – заверила Анна. – Я сейчас Лидуше помогу, а потом все вместе посидим и пообщаемся, ладно?

– Конечно. – Вера словно исцелялась на глазах, порозовели губы, исчезла болезненная муть из уголков глаз. Новая подруга дочери нравилась ей необыкновенно. А всего больше нравилось то, что они, наконец, появились, эти подруги.

На кухне Анна сразу взялась за овощи, резала их со скоростью света, не глядя. Глаз же она не отрывала от Лиды.

– Ну, ты как? Переварила мою историю? Знаешь, я решила не оставлять тебя одну, это ведь все-таки непростое известие, да? И вопросы наверняка накопились?

– Да уж, это точно, – согласилась Лида. Она не стала распространяться о том, что за прошедшие пару часов с ней случились потрясения и покруче. – Слушай, Анна, а как вы вообще меня нашли? Как догадались, кто я такая? Существует какой-то способ?

Анна мотнула головой:

– Нет, обычно у нас нет возможности распознать себе подобного. Разве что он сам себя выдаст. Ну, к примеру, выступит на ток-шоу с историей на тему: «Я живу на свете двести лет, а выгляжу на восемнадцать». Но таких идиотов среди вечников пока не случалось. Иногда по книжкам можно догадаться. Человек так описывает другую эпоху, с такими невероятными деталями, что сразу понимаешь – он из наших. С документами еще случаются накладки, не все достаточно быстро соображают, что необходимо менять паспорт хотя бы раз в столетие. Так что ты, возможно, первая из вечников, кого обнаружили до переломного возраста.

Слышать, что она – первая, было приятно. Лида просыпала картошку мимо кастрюли, ойкнула, бросилась сгребать ее с плиты.

– А насчет тебя вообще забавно получилось, – продолжала резать и рассказывать Анна. – Мы еще весной задумали с ребятами махнуть в северные страны, порыбачить. Валерка с Лазарем – фанаты хорошей рыбалки. На обратном пути недельку погостили в Питере у наших друзей.

– Таких же, как вы... то есть мы?

– Да нет, они обычные ребята, мы с ними на Красном море пару лет назад познакомились. Так вот, в Питере в новостях услышали, что в пригороде завелся маньяк, нападает на девушек. Обычно мы не вмешиваемся, но тут я настояла. Сняли здесь квартиру. А потом две недели я днем и ночью болталась по местному лесопарку, пока парни оттягивались в досуговом центре. И никто на меня даже не подумал нападать. Представляешь, какими комплексами я обзавелась? – Анна шутливо дернула себя за выпавший из прически темный локон. – Потом ребятам наскучило здесь торчать. Лазарь мигом завел нужное знакомство и узнал,

что никакого маньяка больше-то и нет. Напал на девчонку-школьницу и умер от сердечного приступа, едва ее коснувшись. Как думаешь, что нам первым делом пришло в голову?

– Ну, я догадываюсь...

– Конечно, нам стало интересно. Выяснили твою фамилию, отыскали дом, установили наблюдение. Сразу поняли, что ты живешь первичной жизнью и ни о чем таком не догадываешься. Мы бы, скорее всего, и не стали тебя беспокоить, но... есть некоторые обстоятельства.

– Какие? – вздрогнула Лида.

Анна умолкла, прислушиваясь: со стороны лестницы слышались легкие, будто крадущиеся шаги, и через секунду на кухню заглянул Славик. Увидев рядом с ненавистной родственницей еще и незнакомку, ойкнул и умчался прочь, громко топая и натываясь на предметы мебели.

– Боится тебя? – понимающе спросила Анна.

– До обморока просто. Да если бы он один!

– Ну, нам всем это знакомо!

– Почему?! – Лида впиалась в нее умоляющим взглядом. – Что во мне... в нас страшного? Так надоело... ведь всю жизнь...

Она тщетно боролась с подступающими слезами. Анна обняла, провела теплой рукой по волосам.

– Ничего ужасного в нас нет. За исключением того, что однажды мы все побывали на пороге смерти и стали, можно сказать, ее крестниками. Люди это чувствуют и порой реагируют очень бурно. Особенно те, кто боится смерти.

– А разве мама, к примеру, не боится? Она ведь так больна. Но ей-то я ужаса не внушаю?

– Чего ж бояться, если она саму смерть умолила пощадить тебя? – хмыкнула Анна. – Да и вообще – чего бояться-то? А за маму свою не переживай. Она будет здорова. Мы уже все обсудили, даже клинику подходящую подобрали, в Нью-Йорке.

– Но это же безумно дорого! – запротестовала Лида. – Я только с утра со знакомым врачом об этом разговаривала. Он, правда, говорил об Израиле, но все одно... Даже если продам себя на органы, нужной суммы не набрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.